

гающих принципов и понятий в физике. — В кн.: Синтез современного научного познания, М., 1973, с. 333—346. 12. *Понтрягин Л.* О математике и качестве ее преподавания. — Коммунист, 1980, № 14, с. 99—113.

Поступила в редколлегию 22.12.82.

З. Г. КУЛИЕВ

ПРИНЦИП ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Понятие «социальная ответственность» неразрывно связано с человеческой деятельностью. Категория ответственности, как отмечает К. А. Абульханова-Славская, «должна быть исходно введена в число общественных оснований, составить своеобразную «онтологию» индивидуальной деятельности» [2, с. 197].

Социальная ответственность есть результат взаимосвязи и взаимной зависимости личности, группы и социума, конкретное взаимодействие которых осуществляется в процессе деятельности. Поэтому изучение ответственности как объективного социального явления и как субъективного качества личности невозможно без анализа тех форм деятельности, в которые вовлечена данная личность (группа, коллектив). Однако об ответственности можно говорить лишь в том случае, если человеческая деятельность, конкретные человеческие действия имеют значение не только для самого субъекта действия, но и охватывает интересы других субъектов, т. е. имеют общественную значимость. Степень ожидаемой или инкриминируемой социальной ответственности личности (группы) прямо пропорциональна объему и социальной амплитуде выполняемой деятельности: чем выше социальный ранг деятельности, шире ее социальный диапазон, тем больше ответственности возлагается на субъект деятельности. При этом каждой конкретной форме деятельности соответствует определенный ИНДЕКС ОТВЕТСТВЕННОСТИ: наивысший индекс соответствует деятельности, результаты которой затрагивают интересы всего человечества (например, борьба за мир), наименьший, или нулевой уровень ответственности — той деятельности, которая представляет собой бессодержательную, не имеющую социального «выхода», спонтанную активность (например, сизифов труд). «Сизифов труд, — пишет Л. П. Буева, — не бездеятельность, хотя его смысл, содержание и назначение ведут к разрушению личности. Труд — прежде всего целесообразная деятельность. Бессмысленная деятельность, хотя она и существует, не может быть названа трудом» [4, с. 65].

Поскольку общественный и личностный смысл деятельности далеко не всегда совпадают, могут быть расхождения между объективными и субъективными формовыражениями ответственности. Ответственность проявляется не только тогда, когда

субъект выполняет общественно полезное действие, но и в том случае, если он уклоняется от действия, необходимого в данной ситуации или же совершает такие действия, которые несовместимы с социальными, правовыми и моральными нормами. Следовательно, главным условием проявления и вменения ответственности является свободный сознательный характер деятельности и ее общественная значимость.

Выполняя функцию регуляции деятельности и выступая в форме как бы двойного контроля — со стороны субъекта ответственности и со стороны инстанций ответственности — социальная ответственность проявляется в основном в двух измерениях: как внешний контроль и регуляция деятельности субъекта, предполагающая те или иные санкции в случае несоблюдения норм, правил и программы деятельности (объективная сторона ответственности, возложение ответственности); как активное созидательное отношение самого субъекта к действительности, внутренний контроль и регуляция деятельности (субъективная сторона ответственности, самоответственность). При этом в роли субъекта деятельности и субъекта ответственности может выступать отдельная личность, а также различные социальные группы, коллективы, классы, этнические общности, народы, государства и, наконец, человечество в целом как совокупный субъект деятельности и ответственности. Следовательно, ответственность характерна для отдельной личности, являясь важным элементом ее структуры. В то же время она представляет собой широкое общественное отношение, базирующееся на совокупной деятельности людей.

Поскольку деятельность субъекта ответственности целенаправленна, предметна и подразумевает определенный объект деятельности, постольку данная деятельность предполагает и определенный объект ответственности. Субъект в своей деятельности всегда несет ответственность за что-то. В зависимости от социального статуса субъекта и характера исполняемой им социальной роли можно выделить следующие объекты ответственности, характеризующие различные этапы одной и той же деятельности или различные типы деятельности: ответственность за цель и программу деятельности; за выбор средств для достижения цели; за управление ходом деятельности; за контроль деятельности; за характер и темпы выполнения поставленной цели; за качественный и количественный результат деятельности. На психологическом интрасубъектном уровне исследования данного вопроса потребовалось бы вычленить в особую группу ответственность за мотивы деятельности (действий).

Другой, не менее существенный структурный элемент ответственности, присутствующий в деятельности субъекта, — это ответственность перед какой-либо инстанцией. Все действия субъекта ответственности, имеющие общественную значимость, контролируются, регулируются, а подчас программируются

и оцениваются определенной инстанцией в форме похвалы или порицания, одобрения или осуждения. На наш взгляд, в роли инстанций ответственности могут выступать: сам субъект деятельности (ответственность перед самим собой); различные социальные группы (семья как частный пример такой группы); коллективы; политические, культурные и другие организации; классы; этнические общности; народы; государства; человечество в целом; будущие поколения. На наш взгляд, данная классификация не будет полной, если не выделить в особую группу мнимые инстанции ответственности (боги, демоны, судьба и пр.).

Система «субъект—объект—инстанция» выступает, таким образом, как внешняя деятельностная структура ответственности. Любая сознательная, свободная, целенаправленная человеческая деятельность предполагает субъект (кто ответствен?), объект (за что ответствен?) и инстанцию (перед кем ответствен?). При выпадении какого-либо звена из этой цепи ответственность не получает своего полного выражения, что неизбежно сказывается на характере и качестве самой деятельности.

Будучи связанной со всеми видами человеческой деятельности, ответственность выступает в разных сферах деятельности в соответствующей модифицированной форме: как правовая, политическая, экономическая, моральная, а применительно к социальному статусу, социальной роли или профессии субъекта — как профессиональная (статусно-ролевая) ответственность (преломление других форм социальной ответственности под углом зрения профессиональных или статусно-ролевых требований). Каждой деятельности, каждой социальной роли соответствует не только определенный индекс (мера) ответственности [11, с. 50], но и особый, присущий только этой деятельности, этой социальной роли тип отношений ответственной зависимости, особые формы возложения и проявления ответственности, определения меры ответственного или безответственного исполнения деятельности. Все общественные явления взаимосвязаны, взаимопроникают и взаимодействуют друг с другом (при определяющем влиянии экономических отношений). Поэтому ответственность в каждой из форм деятельности выступает всегда более или менее интегрально, полиморфно, синтезируя в определенном отношении различные формы ответственности (политическую, моральную, правовую, экономическую) и структурируя их применительно к требованиям и особенностям данной профессиональной (статусно-ролевой) ответственности (например, в политической деятельности, требующей от субъекта в первую очередь политической ответственности, всегда присутствуют элементы моральной и правовой ответственности; в правовой — элементы политической, экономической и моральной ответственности и т. д.). Характеризуя деятельность субъекта во временном плане, можно выделить следующие формы ответственности: ретроспективную (за уже совершенную дея-

тельность), актуальную (за деятельность, совершаемую в настоящий момент) и проспективную (за предстоящую, планируемую деятельность). В ретроспективном плане ответственность выступает как категория оценочного характера, в актуальном и проспективном — оценочного (поскольку возможна оценка и настоящей, и будущей деятельности) и должного [8, с. 144].

Некоторые исследователи [3; 5; 7; 12] относят ретроспективную ответственность к негативной форме ответственности. На наш взгляд, это неправомерно. Ретроспективная ответственность может быть негативной и позитивной в зависимости от степени соответствия действий субъекта общественным ожиданиям и требованиям. В противном случае не имели бы смысла любые формы поощрения, награды и знаки отличия за ответственное исполнение порученного дела. Неправомерно также отождествление проспективной, а иногда и актуальной ответственности с позитивной формой ответственности. Например, в практике судебных органов немало случаев, когда субъект привлекался к ответственности за намерение или попытку совершить общественно наказуемые действия. Показатель «негативность—позитивность» не должен рассматриваться в одном ряду с временными показателями ответственности. Это показатели разного порядка, разных измерений. На наш взгляд, вполне допустимо утверждение, что ответственность всегда позитивна. Негативными-позитивными могут быть действия субъекта (в системе той или иной шкалы оценок), мотивы, лежащие в основе этих действий, а также санкции, применяемые по отношению к субъекту за эти действия. Возникшее в качестве «рабочего» термина в рамках юридических наук понятие «негативная ответственность» применяется в случаях нарушения норм, правил, требований и по отношению к тем субъектам, которые нарушают их. Здесь речь идет о безответственности, безответственных действиях, безответственных субъектах, а не об особой форме проявления ответственности. Ответственность — одномодальна, она возникает как результат реализации необходимого и должного и «представляет собой единство, где определяющим выступает объективная сторона, а решающим — субъективная» [10, с. 62]. Если действия субъекта ответственности не отвечают требованиям необходимого и должного и не соответствуют объективно возлагаемой на него ответственности, то мы вправе расценивать их как безответственные (недостаточно ответственные), конечно, при условии, что данный субъект был свободен в своих действиях.

Ответственность может быть классифицирована также в зависимости от того, насколько кодифицирована, регламентирована, формализована деятельность, выполняемая субъектом ответственности. Согласно этому принципу разграничения ответственность может носить формальный характер (ответственность закреплена в определенных нормах, правилах, уставах,

инструкциях; строгая регламентация деятельности) и неформальный характер (ответственность неверболизована в нормах, правилах, уставах, инструкциях; нет жесткой регламентации деятельности). Правовая, экономическая и многие виды профессиональной ответственности (например, деятельность военнослужащих) носят в основном формальный характер. Моральная и многие виды профессиональной ответственности (например, деятельность работников сферы науки и искусства) в меньшей степени кодифицированы и носят в основном неформальный характер. Степень формализованности ответственности зависит от специфических особенностей той или иной деятельности и не оказывает непосредственного влияния на объективный индекс ответственности. Деятельность может иметь очень высокий индекс ответственности (например, борьба за мир) и носить неформальный характер, и наоборот. В этой связи можно предположить, что с усилением степени регламентированности и формализованности деятельности возрастает эффективность внешней и внутренней регулятивных функций ответственности, но только ДО ОПРЕДЕЛЕННОГО УРОВНЯ. Если деятельность слишком регламентирована и формализована, эффективность внутренней регулятивной функции ответственности (саморегуляции) снижается, ибо сужается поле свободных, инициативных действий.

На уровне общества ответственность (как социальное явление) выполняет прежде всего функцию социального контроля, а на уровне отдельно взятой личности (как психосоциальное качество) — осуществляет в основном функцию самоконтроля. Самоконтроль — это, в сущности, тоже социальный контроль [13, с. 164], но только преломленный сквозь призму знаний, убеждений, чувств личности. Когда субъект работает только в силу внешней необходимости, возникает определенное противоречие между тем, что он должен делать, и тем, что он хотел бы сделать. Это, естественно, влияет на продуктивность и качество выполняемой деятельности. На современном этапе социального и экономического развития страны, когда неизмеримо возрастает роль «человеческого фактора» во всех сферах социальной жизни и прежде всего в производстве и в управлении, все большее значение, все больший «экономический смысл» в системе общественной деятельности приобретает субъективная сторона ответственности: сознательное, ответственное, инициативное исполнение каждым субъектом деятельности своих социальных функций. Принцип ответственности требует, чтобы субъект действовал так, как он должен действовать. Социально ответственный субъект и желает действовать так, как он должен действовать. Если субъект принял и усвоил социальные нормы и ценности, они не противостоят ему как некие ограничители. Чем выше социальная ценность деятельности, т. е. объективный индекс ответственности, тем в большей степени ис-

полнение этой деятельности должно быть подвержено организуемому воздействию поведенческих детерминант, важнейшей из которых является сознание социальной ответственности. В субъективном понимании ответственность может выполнять свою регулирующую функцию только в том случае, если субъекту деятельности предоставляется возможность проявления инициативы и самостоятельности в решении поставленных задач. Субъект полнее реализует свой потенциал активности и ответственности, если окружающая среда требует от него инициативных, ответственных действий и поощряет их. Поэтому правы Р. Косолапов и В. Марков, утверждающие, что «лучший путь воспитания ответственности у человека — это предоставление ему этой ответственности» [7, с. 87]. Когда человек берет на себя ответственность и добивается социально-значимых результатов, он самоактуализуется. Кроме того, рост активности, инициативности и самостоятельности субъекта деятельности ни в коей мере не устраняет механизма социального контроля и объективного возложения ответственности. Как указывалось на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, «расширение самостоятельности должно во всех случаях сочетаться с ростом ответственности, заботой об общенародных интересах» [1, с. 211]. Социальная ответственность в совокупности своих объективных и субъективных сторон является не только важнейшим регулятором деятельности субъекта, но и показателем его психологической готовности следовать программам деятельности, степени его вовлеченности в сферу выполняемой деятельности. Социальная ответственность — это критерий социальной и нравственной зрелости человека, мерило его трудовой и социальной активности. Примечательно, что в ряде стран народной демократии, например в Чехословакии и Венгрии, заработная плата трудящихся определяется в зависимости не только от физических и умственных затрат, но и от степени ответственности субъекта [12, с. 51]. Наша система материального и морального стимулирования в определенном смысле призвана выполнять аналогичную функцию. Усвоение необходимости труда и полное «включение» субъекта в систему общественных отношений предполагает превращение дисциплины в самодисциплину, контроля в самоконтроль, организованности в самоорганизованность, ответственности в самоответственность. При этом самоответственность — результат реального освоения и внесения функции контроля в содержание деятельности, результат того, что каждый реально берет на себя всю полноту ответственности за все аспекты и последствия своей деятельности в обществе. Каждый субъект должен подняться до уровня общественного деятеля не в порядке дополнения к основному труду, а в повседневном труде. Именно в той деятельности, за осуществление которой личность целиком берет на себя ответственность, происходит развитие личности. Активизация обще-

ственной самодеятельности, «включение» каждого человека в жизнь трудового коллектива и всего общества, повышение творческой инициативы и укрепление дисциплины труда — вот неперемненные условия воспитания чувства и сознания высокой социальной ответственности. Только при таком отношении каждого субъекта к своей деятельности возможно эффективное осуществление всех социальных и экономических задач.

Список литературы: 1. *Андропов Ю. В.* Избранные речи и статьи. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1983. — 320 с. 2. *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. — М.: Наука, 1980. — 265 с. 3. *Белецкая Л. И.* Свобода и ответственность: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. — Саратов, 1972. — 29 с. 4. *Буева Л. П.* Человек: деятельность и общение. — М.: Мысль, 1978. — 215 с. 5. *Грядунова Л. И.* Социальная ответственность личности в условиях развитого социализма. — Киев: Вища школа, 1979. — 133 с. 6. *Дьяков А. П.* Социальная ответственность личности в условиях социализма: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. — Воронеж, 1970. — 31 с. 7. *Косолапов Р., Марков В.* Свобода и ответственность. — М.: Политиздат, 1969. — 96 с. 8. *Момов В.* Человек, мораль, воспитание. — М.: Прогресс, 1975. — 162 с. 9. *Ореховская А. И.* Ответственность и ее социальная природа (методологический аспект). — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. — 230 с. 10. *Плахотный А. Ф.* Проблема социальной ответственности. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1981. — 192 с. 11. *Плахотный А. Ф.* Свобода и ответственность (социологический аспект проблемы). — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1972. — 160 с. 12. *Панов А. Т., Шабалин В. А.* Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. — 280 с. 13. *Шибутаки Т.* Социальная психология. — М.: Прогресс, 1969. — 280 с.

Поступила в редколлегию 25.11.83.

А. И. ШИБКО

О РОЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Претворение в жизнь задач коммунистического строительства требует от каждого члена общества высокой сознательности, инициативности, ответственности за порученное дело; на что указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко [2, с. 6, 10]. Поэтому формирование целостной личности — одна из важнейших социальных задач общества развитого социализма.

Объективной основой этой задачи является историческая необходимость, проявляющаяся в деятельности субъекта — общества, класса, личности — по удовлетворению своих потребностей. В. И. Куценко определяет социальную задачу как «понятие, отражающее необходимость для субъекта (общества, социальной общности, личности) осуществить в будущем определенную деятельность» [7, с. 4—5].

Социальная задача имеет множество различных форм выражения, которые отражают требования общества, класса,

личности. Ведущее место среди форм, фиксирующих требования задачи безотносительно к тому, какой субъект их должен выполнять, принадлежит социальной норме. «Социальная норма — это требование, предъявляемое ко всем членам общества или к отдельным группам людей, осуществлять в определенных условиях действия установленного типа образца» [7, с. 81].

Управление обществом предполагает создание и реализацию социальных норм, ибо общество не может существовать и развиваться как целостная система без согласования деятельности взаимосвязанных между собой индивидов и общества в целом. Взаимосвязь и взаимодействие общества и индивидов — это диалектическое единство целого и части. В. Г. Афанасьев отмечает, что «целое и части едины и друг без друга не существуют. Вместе с тем во взаимодействии целого и частей, как в любом другом взаимодействии, нельзя не видеть определенной основы, ведущей стороны. Этой основой является целостная система, целое, которое активно воздействует на части, преобразует их согласно собственной природе, интегрирует, объединяет. Части подчинены целому, движутся, развиваются в его рамках и образуются с ним в своих функциях» [4, с. 89]. Нормы как орудие социального контроля призваны регулировать деятельность индивидов и социальных групп в соответствии с потребностями прогрессивного развития общества.

Развитое социалистическое общество создает и развивает систему социальных норм, включающую правовые, моральные нормы, а также элементарные нормы общежития, общественных организаций и коллективов [11, с. 76]. Многие исследователи предлагают другие классификации системы норм [7, с. 84—85; 10, с. 45]. Социальные нормы как требования, правила, законы организации деятельности создаются обществом, государством, коллективом. Нормы имеют принудительный характер, определяют линию поведения социальных групп, личностей и предусматривают определенные санкции к их нарушителям.

Знание социальных норм еще не означает, что в своей деятельности каждая конкретная личность будет следовать им — нормы зачастую нарушаются. Как отмечают П. А. Ландесман и Ю. В. Согомонов, «...декларативное усвоение не переводит облегченное знание в убеждения, не оказывает ощутимого воздействия на направленность и содержание деятельности, нарушает единство слова и дела» [8, с. 122]. Нельзя согласиться с утверждением З. В. Ивановой, что «...между знаниями и убеждениями существует прямо пропорциональная зависимость: чем шире и глубже знания, тем прочнее убеждения» [6, с. 63]. Представляется правильной точка зрения В. Г. Афанасьева: «...само по себе знание не может выступать в качестве фактора, регулирующего поведение человека. Чтобы стать этим фактором, знание должно быть усвоено человеком, должно воплотиться в цель, программу поведения человека, его деятельности, должно хотя

бы в самой общей форме отразить условия, в которых эта цель может быть достигнута, программа реализована» [3, с. 13].

Поведение личности всегда зависит от действия объективных законов общественного развития, исторической необходимости. Последняя выступает в форме социальной задачи, которая, преломляясь в индивидуальном сознании, должна быть ориентирована на общественные ценности. Социальные нормы, являющиеся одним из элементов сознания личности, непосредственно отражают степень усвоения личностью требований, предъявляемых обществом к ее поведению. Следовательно, необходимо общественно значимое (в данном случае нормы) сделать личностно-значимым, т. е. регуляция поведения личности со стороны общества должна органически слиться с саморегуляцией, самодетерминацией личности. Для этого система норм должна быть воспринята личностью как неотъемлемый элемент ее психологической структуры. Возможность саморегуляции поведения личности вытекает из единства общественного и индивидуального сознания, наличия в последнем социальных норм и ценностей, выработанных общественной практикой.

Являясь субъектом общественных отношений, человек возлагает на себя определенные обязанности по отношению к другим людям, к обществу в целом. Он должен предвидеть результаты своей деятельности и регулировать свое поведение, исходя не только из личных интересов, но и требований социальных норм данного общества. Поэтому у человека, включенного в систему общественных отношений, объективно возникает ответственность. По определению А. Ф. Плахотного, «социальная ответственность есть категория для обозначения меры свободного проявления социальным субъектом своей обязанности и права избрать в конкретных условиях оптимальный вариант отношения к действительности, исходя из прогрессивных интересов общества» [9, с. 8].

Социальные нормы объективно становятся детерминантами поведения личности вследствие наличия ответственности как условия общественной организации и взаимосвязи. Внешние нормы могут быть субъективно воспринятыми, «овнутренними» личностью только потому, что в процессе общественной деятельности личность становится способной видеть себя и свою деятельность как неустрашимое звено общественной связи, т. е. она обретает личное качество ответственности. Последняя становится необходимым условием интериоризации норм [9, с. 116].

Ответственность выступает в виде требований определенного поведения, в форме долженствования, что обуславливает ее проявление в качестве регулятора общественных отношений. Более того, «ответственность является как бы центральным нервом всего механизма нормативного регулирования: ее объективное наличие обуславливает комплекс осуществляемых личностью сознательных и волевых процедур по поводу действия

в определенной ситуации» [9, с. 116]. Ответственность проявляется в качестве принципа ценностной ориентации личности, сознательного выбора и интериоризации социальных норм, так как ответственная личность без принуждения со стороны инстанции действует в соответствии с объективной необходимостью — социальной задачей. «Принцип — общее требование к системе, осуществление которого объединяет различные элементы в одну структурную организацию, интегрирует различные процессы в одну основную тенденцию развития» [7, с. 88]. Принцип ставит более общие требования, чем норма. Именно та норма, которая устанавливает более общие требования, сливается с принципом. Отсутствие строгой, детальной регламентации процессов придает принципу функцию объединения различных по содержанию процессов или элементов системы в какую-то общую тенденцию, в целостную структуру [7, с. 87—88]. Такой объединяющей, интегрирующей силой обладает принцип ответственности в системе социальных норм. Ответственность, во-первых, ставит более общие требования, чем любая социальная норма, например правовая или моральная; во-вторых, лишена детальной регламентации поведения личности; в-третьих, функционально объединяет, интегрирует различные социальные нормы в целостную структуру системы норм; в-четвертых, предоставляет возможность системе норм развиваться.

Общество развивается от низших этапов к высшим. Чтобы не стать фактором, сдерживающим это развитие, система социальных норм должна соответствовать данному уровню развития общества, а в некоторых аспектах и опережать его, проявляясь в качестве социального идеала, побуждающего к совершенствованию личности. В качестве примера таких норм можно назвать нормы коммунистической морали, зафиксированные в моральном кодексе строителя коммунизма.

В настоящее время система социальных норм развивается от жестко детерминированных к «мягким» нормам, от норм-запретов к нормам-ориентирам, что соответствует общественным отношениям развитого социализма (эта тенденция развития отнюдь не умаляет значения таких жестко детерминированных норм, как нормы права, продолжающих играть важную регулятивную роль и постоянно совершенствующихся). Общество «доверяет» социальным группам и личностям в их деятельности, предоставляя все более широкие права и свободы. Новая Конституция СССР не только фиксирует социальные нормы существующего уровня развития нашего общества, но и способствует их развитию. Расширение прав и свобод личности обусловлено наличием принципа ответственности в системе социальных норм. Действительно, максимальные возможности для удовлетворения своих потребностей и интересов, обеспечивающих одновременно и общественные потребности, личность получает при условии сознательного и добровольного принятия социаль-

ных ценностей и норм. Осознанно принимая нормы, а значит познавая необходимость, признавая социальную задачу «своей» задачей, действуя на основе познанной необходимости со знанием дела вместе со всеми членами общества, личность объективно обретает свободу деятельности. Обретенная свобода, т. е. возможность проявления творческой активности, самостоятельности, инициативы, требует адекватной ответственности.

В социальной практике расширение свободы личности возможно только на основе возрастания ее ответственности. Свобода и ответственность личности находятся в диалектическом единстве. Система норм, отражающая это единство, является мерой свободно-ответственной деятельности личности, выход за пределы которой может нарушить целостность структуры и прогрессивное развитие социалистического общества. Поэтому в Конституции СССР права и свободы органично связаны с обязанностями советских граждан.

Содержание принципа ответственности расширяется с увеличением и обогащением связей человека с обществом, с возрастанием степени свободы личности и всего социалистического общества. Чем более свободна личность, тем более она ответственна за свое поведение и результаты своей деятельности. Социальная активность личности ориентируется на решение тех задач, которые стоят перед обществом на современном этапе его развития.

Осознание личной ответственности за результаты своей деятельности становится важнейшей чертой социалистического образа жизни. Однако считать, что чувство ответственности стало достоянием каждого члена нашего общества, было бы преждевременным. Поэтому воспитание ответственной личности представляет собой первоочередную социальную задачу. На XXVI съезде КПСС отмечалось: «В современных условиях многократно возрастает значение дисциплины, значение личной ответственности» [1, с. 50]. В настоящее время ответственность проявляется в созидательной творческой деятельности. «Важнейшим воспитательным принципом, — пишет Л. П. Буева, — является постановка человека в объективные отношения ответственной зависимости, которые побуждали бы его выбрать правильную форму поведения и блокировали бы нежелательную, стимулировали бы социально полезную направленность деятельности личности» [5, с. 141]. Воспитание ответственной личности протекает как процесс осознания всеми членами общества объективной необходимости действовать в соответствии с социальными нормами, т. е. социальными нормами превращаются в личную потребность. Это выдвигает ответственность в ранг важнейшего принципа саморегуляции поведения личности, она становится внутренним стимулирующим фактором поведения, неотъемлемым качеством социалистической личности.

По мере развития социалистического общества и приближения его к полному коммунизму постепенно будут отмирать жестко детерминированные нормы (например, правовые) и все большее значение в социальной регуляции будут приобретать неинституциональные нормы, функционирующие на основе общественного мнения (например, моральные). Важнейшую роль в этом процессе призван сыграть принцип ответственности, который станет детерминантой поведения и деятельности каждой социалистической личности.

Список литературы: 1. *Материалы XXVI съезда КПСС*. — М.: Политиздат, 1981.— 223 с. 2. *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС*. 10 апреля 1984 г. — М.: Политиздат, 1984.— 31 с. 3. *Афанасьев В. Г.* Об управлении процессами формирования и жизнедеятельности личности. — *Вопр. филос.*, 1976, № 11, с. 3—15. 4. *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. — М.: Политиздат, 1980. — 368 с. 5. *Буева Л. П.* Человек: деятельность и общение. — М.: Мысль, 1978. — 216 с. 6. *Иванова З. В.* Місце ціннісних орієнтацій у психологічній структурі особи. — *Філосо. думка*, 1981, № 6, с. 59—64. 7. *Куценко В. И.* Социальная задача как категория исторического материализма. — Киев: Наук. думка, 1972. — 372 с. 8. *Ландесман П. А., Согомонов Ю. В.* Мирозозренческие основания морального сознания. — *Вопр. филос.*, 1979, № 11, с. 113—126. 9. *Плахотный А. Ф.* Проблема социальной ответственности. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1981. — 192 с. 10. *Старченко Т. Я.* Про всебічний та гармонійний розвиток особи. — *Філосо. думка*, 1979, № 5, с. 41—47. 11. *Якуба Е. А.* Право и нравственность как регуляторы общественных отношений. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1970. — 208 с.

Поступила в редколлегию 10.01.83.

В. П. ТЕРЕНТЬЕВ, канд. ист. наук

К. МАРКС О ПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНДИВИДОВ

В «Философском словаре» [9, с. 292], «Философской энциклопедии» [8, т. 4, с. 387], «Большой Советской Энциклопедии» [5, т. 21, с. 56] и некоторых работах советских философов термин «производство» отождествляется с термином «материальное производство» и определяется только как воздействие людей на природу (или потребление рабочей силы) с целью создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей. Вместе с тем известно, что К. Маркс неоднократно писал еще об одной разновидности материального производства [1, т. 23, с. 495; т. 42, с. 122—123; т. 46, ч. I, с. 476; т. 46, ч. II, с. 221 и др.]. Это — воздействие людей друг на друга. Результатом такого производства выступают уже не предметы природы, а человеческие индивиды в их социальном качестве.

Что понимал К. Маркс под производством социальных индивидов? Каково соотношение «непосредственного процесса материального производства» [1, т. 46, ч. II, с. 214], или «собственно материального производства» [1, т. 25, ч. II, с. 387], иными словами, «первого», непосредственно-предметного производства

и производства индивидов в общественном материальном производстве на разных этапах истории человечества? Автор статьи попытался ответить на эти вопросы.

Под формальную абстракцию «общественное производство» подводятся многие социальные реалии (вещи, люди, общественные отношения, идеи и т. д.). Генетически исходной реальией является первобытное, непосредственно-предметное производство, такая «*обработка природы* людьми» [1, т. 3, с. 35], когда человек сводится к «субъекту природы» [1, т. 46, ч. II, с. 19], имеет место «природное единство труда с его вещными предпосылками» [1, т. 46, ч. I, с. 461]. Это натуральное хозяйство, когда земля является непосредственным источником существования, а человек фактически сращен с природными условиями жизни.

Исходная реальия возникла как производство средств к жизни, а значит и самой непосредственной жизни, т. е. физического существования индивидов. По мере выхода людей из царства животных возникает «*обработка людей людьми*» [1, т. 3, с. 35] в форме первобытных земледельческих отношений. Непосредственно-предметное производство становится и производством «образа жизни», социального существования индивидов. Однако длительное время производство выступало как один нерасчлененный процесс, который являлся «в такой же мере отношением индивидов друг к другу, в какой и их определенным действительным отношением к неорганической природе» [1, т. 46, ч. I, с. 485]. «Обработку» людей людьми невозможно было отличить от «обработки» природы. «Второе» производство как бы непосредственно вплеталось в «первое». Между ними не было отношения. Люди трудились для того, чтобы жить, и жили для того, чтобы трудиться; рабочее и свободное время, внешняя необходимость и внутренняя потребность в труде совпадали. Субстанцией процесса являлось производство средств к жизни, а производство индивидов выступало как необходимый момент, способ ее существования.

Производство индивидов в это время могло быть только развитием их элементарных физических и духовных способностей к труду и не существовало как специфическая форма деятельности, связанная с наличием особых учреждений, форм воздействия людей друг на друга. Подготовка к социальной жизни почти совпадала с началом физической жизни, детство было очень коротким. В труде передавался и усваивался жизненно-практический опыт. Дети во всем подражали взрослым, путем многократных упражнений приобретали необходимые физические и социальные качества.

Тождество «первого» и «второго» производства делало первобытных людей господами всех своих отношений. Однако человеческие индивиды только начинали осознавать себя людьми, причем это осознание носило «столь же животный характер, как

и сама общественная жизнь на этой ступени» [1, т. 3, с. 30]. Марксисты не могут идеализировать разносторонность первобытного человека. «Никакого золотого века, — отмечал В. И. Ленин, — позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой» [2, т. 5, с. 103].

По мере развития первобытно-общинного строя начинается «раздвоение единого». На той стадии человеческой истории, когда материальная жизнь отдельных, отставших от хода истории первобытных коллективов становится объектом изучения цивилизации, можно зафиксировать признаки, которые в известной мере позволяют отличить производство индивидов от непосредственно-предметного производства. Появляются «дома молодежи», для подготовки к труду и социальной жизни родовая община выделяет специальных людей. И тем не менее до перехода к классовому обществу производство индивидов не существует как особый вид жизнедеятельности.

При установлении господства рабовладельческих отношений у человеческой деятельности появляются стороны, на которые обращал внимание К. Маркс в «Немецкой идеологии» [1, т. 3, с. 35]. Однако многие столетия, как неоднократно отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, классовые антагонизмы были завуалированы, прикрыты патриархальными, религиозными, иными отношениями и иллюзиями. И только в условиях капитализма «раздвоение единого» завершается, антагонистическая сущность «вторичной» формации выступает в обнаженной форме, земная основа окончательно «отделяет себя от самой себя» [1, т. 3, с. 2]. Непосредственно-предметное производство превращается в непосредственно-вещное. В данном контексте вещь (в отличие от предмета) — результат процесса создания средств к жизни, который превращается в силу, внешнюю и чужую людям, детерминирующую «второе» производство.

Если в первобытно-общинной формации производство средств к жизни было содержанием социальных индивидов, то в капиталистической формации оно окончательно становится естественным условием новой социальности, не совпадающей непосредственно с вещным производством. Теперь «первое» производство определяет «второе» при помощи своего другого — частнособственнических отношений. Если первобытный индивид «непосредственно воспроизводит себя из природы» [1, т. 46, ч. I, с. 100], то индивид капиталистического общества воспроизводится из «вещных отношений зависимости» [1, т. 46, ч. I, с. 107]. «Вещные отношения зависимости» и «производство индивидов классового общества» — термины, обозначающие исходный пункт и результат развития одного и того же предмета — индивида капиталистического общества. Анализ вещных отношений, представление о них необходимо довести до понимания взаимодействия индивидов как производства самих себя. Инди-

виды не просто «относятся» друг к другу, они «как физически, так и духовно творят друг друга» [1, т. 3, с. 36].

Такое производство («творчество») пронизано антагонизмами. По сути, это деятельность одной части (меньшинства) общества, направленная на подчинение своему влиянию другой части (большинства). Меньшинство стремится воспроизвести одни и те же (те же самые) частнособственнические отношения, при которых они остаются данными эксплуататорами. Процесс «второго» производства показывает, что отношения «сопротивляются» этим стремлениям, изменяются, разбиваются по законам, от них (стремлений) не зависящих. Поэтому производство индивидов неизбежно распадается на целенаправленный процесс — фактор субъективный (воспитание), и фактор объективный (влияние среды).

Воспитание выступает как одно из проявлений общественного (классово-антагонистического) разделения труда и принципиально отличается от первобытной подготовки к труду, социальной жизни. Внешне формы того и другого различны, но на «границе» между первобытно-общинным и рабовладельческим строем они тождественны. В эпоху первобытности формировались лишь предпосылки воспитания, «воспитание только начало выделяется как особая форма общественной деятельности» [6, с. 10].

Развитие общества ведет к изменению и в конечном итоге к устранению частнособственнических отношений. Господствующие классы стремятся увековечить эти отношения всеми имеющимися в их распоряжении средствами, в том числе и с помощью воспитания. Однако за воспитанием как тень, как вечное проклятье следует «влияние среды» объективных условий, «обстоятельств». Индивиды не только воспитываются, но и «живут», участвуя в непосредственно-вещном производстве, взаимодействуют с «обстоятельствами», формируются и изменяются (т. е. производятся) в той мере, в которой изменяют «обстоятельства». Изменение социальных обстоятельств противоречит классовой направленности воспитания. Поэтому цели воспитания, пожалуй, в гораздо большей степени, чем другие цели деятельности индивидов в стихийно функционирующем обществе, осуществляются лишь в редких случаях. Капиталистическое общество производит «частичного» человека, но оно же создает необходимые условия для будущего производства целостных, гармонически развитых индивидов. К. Маркс указывал, что если отбросить буржуазную форму, то богатство является ничем иным, как абсолютным выявлением творческих дарований человека, универсальностью его потребностей, способностей, производительных сил [см. 1, т. 46, ч. I, с. 476].

К. Маркс всесторонне исследовал диалектику «сбрасывания» этой формы. Возникновение системы машин приводит к конфликту между «обессиленным», «частично» развитым рабочим

и общественной силой знания, наукой — всесторонне развитым совокупным разумом, воплощенным в принадлежащих капиталу материальных формах производства. Дальнейшее развитие «собственно материального производства» неизбежно ликвидирует этот антагонизм. Крупная машинная промышленность делает возможно большую многосторонность рабочего, воплощение науки не только в объективных, но и в субъективных моментах производства, всеобщим его законом. Возрастает удельный вес и роль субъективного фактора производства. Эти количественные изменения приведут к качественному скачку, «снятию» производства материальных благ производством индивидов. Итогом развития буржуазной экономики, по К. Марксу, является самоотрицание «непосредственного процесса материального производства» [1, т. 46, ч. II, с. 222]. После скачка в качестве основы производства должно выступить «развитие общественного индивида», «свободное развитие индивидуальностей», в качестве меры богатства — свободное время, при котором происходит «художественное, научное и т. п. развитие индивидов» [Там же, с. 214].

Тысячелетиями над человеком господствовало производство, детерминируемое «нуждой и внешней целесообразностью». Такое «царство необходимости» не может исчезнуть и на первой фазе коммунистической общественной формации, хотя «коллективный человек» ставит под свой общий контроль материальное производство. На этом «царстве необходимости», как и на базе, возникают условия для диалектического скачка, после которого начинается «истинное царство свободы», т. е. развитие (производство) человеческих сил как самоцель. По природе своей оно лежит «по ту сторону сферы собственно материально-го производства» [1, т. 25, ч. II, с. 386—387].

Производство материальных благ является естественной предпосылкой (и в этом смысле слова основой) существования индивидов любой общественной формации. Но когда в ходе развития и совершенствования непосредственно-предметного производства общества зрелого социализма будет создано изобилие материальных и духовных благ, произойдет то «переворачивание» предпосылки в следствие, основы в обоснованное, условия в обусловленное, которое является существенным моментом любого диалектического развития. Однажды возникнув, производство коммунистических индивидов превратит свою предпосылку в следствие, основу — в обоснованное. Непосредственное производство останется производством средств к жизни, все его формы будут «нацелены» на создание изобилия материальных и духовных благ. Вместе с тем из ряда форм «первого» производства общество будет отбирать и преимущественно развивать те формы, которые в максимальной степени способствуют развитию «второго» производства. И только в случае непредвиденных экологических осложнений, других причин, спо-

собных временно затормозить развитие непосредственно-предметного производства, оно «напомнит» о себе как об естественной основе существования людей. Законы производства материальных благ, приобретая статус абстрактно-всеобщих законов производства индивидов, не могут быть изменены, тем более нарушены.

Однако указанное «переворачивание» основы в обоснованное является неполной истиной. Коммунизм, отмечал К. Маркс, есть «подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением» [1, т. 42, с. 116], это тождество тех социальных реальностей, которые тысячелетняя привычка полагает различными и даже внешне, пространственно разделенными. Производство коммунистических индивидов — субстанция, основа самого себя, т. е. «непосредственного процесса производства», который в таком производстве выступает «только как момент» [1, т. 46, ч. II, с. 222]. Коммунизм — как бы возвращение назад, к единой, лишенной антагонизмов общественной субстанции первобытности. Но это одновременно и громадный шаг вперед, начало подлинной истории человечества. Если в условиях первобытности производство средств к жизни было одновременно и производством самого человека, то при коммунизме производством человека станет одновременно и производством средств к жизни.

Г. С. Батищев определяет социализм как эпоху «постепенного преодоления примата производства вещей над производством способностей и утверждения примата производства способностей над производством вещей» [4, с. 76]. В. П. Кузьмин утверждает, что «экономическое развитие общества, достигнув определенного достаточно высокого уровня, перестанет быть самоцелью развития», для коммунизма характерным станет примат социального начала над экономическим [7, с. 147]. Мы считаем глубокой мыслью о «преодолении» коммунизмом примата экономического начала. Но ее, на наш взгляд, надо довести до конца, до признания тождества «неэкономической» и «экономической» реальностей (понятие примата, первичного полагает наличие вторичного, как внешнего первичному и даже указание на «органическую связь» того и другого не устраняет такой разделенности).

Коммунистическое воспитание останется необходимым моментом производства индивидов, ибо всегда нужно будет готовить к жизни подрастающее поколение. Но наступит время, когда общество поставит под контроль объективные условия существования, т. е. превратит «наличные формы общения и производительные силы» в свою «свободную жизнедеятельность» [1, т. 3, с. 441]. Ведь действительная универсальность индивида есть «универсальность его реальных и идеальных отношений» [1, т. 46, ч. II, с. 35]. Коммунистические индивиды, умея предвидеть с научной точностью ход развития условий своего суще-

ствования, смогут планомерно их изменять. Такое изменение будет решающим в формировании индивидов, станет их самопроизводством. Тогда произойдет «снятие» воспитания как особой, отдельной сферы жизнедеятельности людей. Все общество будет заниматься воспитанием, которое станет определяющей формой деятельности всех институтов общественной жизни. Воспитываемые с ранних лет будут принимать посильное участие в непосредственно-предметном производстве.

По мере совершенствования зрелого социализма внимание ученых все больше привлекает вопрос о существенном признаке второй фазы коммунистической формации. Подлинно новаторским является вывод XXVI съезда КПСС, что «становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма» [3, с. 53]. На наш взгляд, в этих же рамках произойдет и создание материально-технической базы коммунизма. Собственной основой, на которой будет развиваться коммунистическое общество (свое другого — основы), может быть только производство универсальных индивидов, что является существенным признаком полного коммунизма. Такое производство можно охарактеризовать как исторически определенный этап развития материального производства, процесс взаимодействия между людьми, целенаправленного изменения общественных отношений, который воспроизводит собственную предпосылку (взаимодействие людей и природы), регулирует, контролирует и в конечном итоге обеспечивает всесторонность, гармоничность (целостность) их развития, деятельности и потребления. В таком производстве как объект, так и субъект — одни и те же саморазвивающиеся (воспроизводящие себя) индивиды. Изменение «обстоятельств» и «людей» — в равной мере моменты их суверенной деятельности.

Производство коммунистических индивидов возможно только в условиях максимально развитого непосредственно-предметного производства. Высокий гуманистический смысл политики КПСС, направленной на создание материально-технической базы коммунизма, бесспорен. «Забегание вперед», переоценка существующих общественных институтов с позиций производства коммунистических индивидов может принести только вред. Вместе с тем одной из характерных черт политики КПСС является органическая связь задач создания материально-технической базы коммунизма с формированием предпосылок производства целостных индивидов будущего. Их производство — идеал тысячелетий — теперь уже не гениальная догадка социалистов-утопистов, не предвосхищение далекого будущего, а научно обоснованная и практически достижимая цель человеческого общества.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 3, 23, 25, ч. II, 42, 46, ч. I, II. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 4. Батищев Г. С. Воспитание и образование по К. Марксу и Ф. Энгельсу. — В кн.: Новые исследования в педагогических науках. М., 1966, вып. VI, с. 70—77. 5. Большая Советская Энциклопедия. — 3-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1975. 6. История педагогики. — М.: Просвещение, 1974. — 447 с. 7. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. — М.: Политиздат, 1976. — 247 с. 8. Философская энциклопедия. — М.: Сов. энциклопедия, 1967. 9. Философский словарь. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1968.

Поступила в редколлегию 17.01.83.

А. В. ТЯГЛО, канд. филос. наук

ЛОГИКА СИСТЕМЫ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ О ЦЕЛОСТНОСТИ

Всестороннее изучение советскими философами феномена целостности, разработка методологии его научного познания начались примерно четверть века тому назад. Уже тогда со всей остротой была поставлена проблема выявления и упорядочения связки основных понятий о целостности. Как подчеркивали З. Мукашев и Л. Науменко, вопрос о соотношении категорий «часть» и «элемент», «структура», «система» и «целое» требует дальнейшей разработки, поскольку в научной литературе нет единого мнения по этому вопросу [2, с. 115].

В дальнейшем основное внимание уделялось изучению системного аспекта целостности. Проблема целостности оказалась фактически поглощенной системными исследованиями. В этом направлении был достигнут существенный прогресс, в том числе и в изучении таких понятий, как «система», «структура» и др. Это способствовало упорядочению категориального аппарата. И тем не менее уже в 1980 г. В. Н. Садовский счел необходимым вновь подчеркнуть актуальность уточнения определений и построения формализованных описаний основных понятий методологии системных исследований. «Сегодня, — отметил ученый, — отсутствует более или менее общепринятая система основных понятий системного исследования. Имеется лишь множество различных подходов к построению такой системы. Как правило, они совершенно не связаны друг с другом, одни и те же системные понятия получают существенно различные определения, отсутствует строгость при построении таких определений и т. д.» [3, с. 48]. Подобные выводы сделаны И. В. Блаубергом и Э. Г. Юдиным, В. И. Свидерским и др. Но отсутствие общепринятой системы основных понятий о целостности обуславливает разноречивую в научной терминологии, существенно обедняет понятийный аппарат познания системности и целостности, зачастую искажает смысл и методологическое значение философских выводов. Поэтому в настоящее время важной задачей яв-

ляется дальнейшее уточнение и упорядочение системы основных понятий о целостности. Решению этой задачи посвящено наше исследование, представляющее собой результат логического осмысления истории формирования связки основных понятий о целостности. Однако излагаемый в статье материал свое историческое обоснование содержит лишь имплицитно. Его явное изложение дано, в частности, в работах [4; 5]. Ближайшим основанием организации материала в данной работе выступают «чистые» логические закономерности, фиксирующие имманентную процессу познания направленность на все более конкретное, целостное отражение целостной реальности. Существенным здесь является выясненное основоположниками марксизма закономерное восхождение познания от абстрактного к конкретному [1, т. 20, с. 20—25; т. 46, ч. 1, с. 38—42], опосредованное двумя взаимодополняющими процессами: восхождением от чувственно-конкретного к абстрактному и, далее, собственно восхождением от абстрактного к конкретному в мышлении [6, с. 98, 107]. В последующем изложении мы будем опираться на удобное схематическое представление ступеней этого процесса, вытекающее из модифицированной схемы фаз познания Б. М. Кедрова [7, с. 38]. В основу данной схемы положено различение фаз процесса по характерному для каждой из них соотношению анализа и синтеза.

Если обозначить развитые формы анализа и синтеза заглавными буквами A и C , а зародышевые — соответственно a и c , то ход познания может быть представлен в следующем виде:

$$c(a) \rightarrow c + a \rightarrow A(c) \rightarrow A + C \rightarrow C(A).$$

Здесь заключение символа в скобки указывает на подчиненность соответствующего метода другому, доминирующему на данной ступени, а стрелка — на переход от более низкой ступени к более высокой. Тогда позиция $c(a)$ соответствует преднаучной фазе познания. Ее классические формы мы обнаруживаем, например, у досократиков. Ф. Энгельс отмечал, что «у греков — именно потому, что они еще не дошли до расчленения, до анализа природы, — природа рассматривается в общем, как одно целое» [1, т. 20, с. 369]. Позиция $A(c)$ соответствует развитому анализу, результаты которого контролируются зародышевым синтезом, что отвечает возникновению собственного научного познания Нового времени. Наконец, позиция $C(A)$ соответствует высшему синтезу, подчинившему себе анализ и выступающему в диалектическом единстве с ним. Эта фаза зарождается в рамках немецкой классической философии, однако в полной мере она реализуется лишь на основе диалектического материализма. Наряду с указанными чистыми ступенями процесса познания целостности имеют место и суперпозиционные переходные. Так, например, позиция $A + C$ соответствует развитым анализу и синтезу, поскольку синтез уже вышел из прежнего подчинения анализу, но еще не успел подчинить его себе.

Аналогично осуществляется и фаза $a+c$, переходная от стадии синкретического созерцания $c(a)$ к стадии аналитической дескрипции $A(c)$.

Приведенная схема выступает основой понимания логики развертывания исторического процесса познания целостности. Существенно, что каждой из указанных фаз процесса соответствуют характерные понятия. В этих рамках они получают свое коренное содержание, которое не может быть элиминировано их видоизменением в ходе дальнейшего развития [1, т. 46, ч. 1, с. 43]. Тем самым определяется реальная возможность строго выделить классические для того или иного этапа познания целостности формы мышления, определить их содержание, генетическую и логическую связь в системе основных понятий о целостности. Другими словами, схема фаз познания целостности, отражая объективную направленность познания на все более конкретное, целостное отражение реальности, служит путеводной нитью выявления и систематизации связки основных понятий о рассматриваемом феномене, уяснения имманентного им логико-гносеологического статуса, что достигается посредством экспликации контекстуально зафиксированных в классическом философском наследии соответствующих определений и их связей.

Исходной парой в системе основных понятий о целостности выступают категории «единое — многое», характерные для первой фазы познания целостности $c(a)$. Но, являясь исходными, категории единого и многого носят чрезвычайно абстрактный характер. Они в состоянии отразить, хотя и в очень общей форме, самый широкий круг явлений и процессов. Поэтому далее недостаточность этой пары в отражении целостной реальности приводит к порождению на ее основе более конкретных категорий «часть — целое».

Появление категорий части и целого обусловлено необходимостью объяснения процесса порождения многим единого (не многого), а также потребностью описать существование единого через многое (не единое), во множестве. Пара «часть — целое» является разрешением этого противоречия. Логически это достигается путем снятия исходных противоположностей в «дочерней» паре. Тогда «целое» можно определить как «единое (из) многого», «единое во многом». Такое определение подразумевает несовпадение исходного многого и возникающего на его основе единого, а также отличие последнего от составляющих его частей. Здесь, следовательно, фиксируется нередуцируемость (несводимость) целого к его исходным компонентам или частям. Поскольку понятие «часть» следует определить, по словам К. Маркса, как различие внутри единства, «многое в едином», то и здесь нередуцируемость учтена. Согласно этому, основная смысловая нагрузка пары «часть — целое» состоит в отражении единого во многом, причем единое несводимо ко

многому; в описании многообразия единства, причем единство обладает новыми — интегративными — свойствами, порожденными в процессе его становления и несводимыми к свойствам исходных компонентов.

Категории «часть — целое» есть отчасти продукт первой чистой фазы познания, характерного для нее синкретического созерцания целостности мира, а также зарождающейся в ней тенденции перехода ко второй — аналитической фазе $A(c)$. Другими словами, это классические формы мышления суперпозиционной переходной ступени познания $a+c$. Здесь анализ еще не развит до уровня последовательного метода научного мышления. Соответственно, характерные для этой фазы понятия «часть — целое» еще не направлены на детальное выяснение строения целостной реальности, но лишь констатируют ее многообразие, дифференцированность и единство, связь: синтез этих противоположных определений обеспечивается утверждением несводимости целого к множеству, к сумме его частей, равно как и к исходным элементам.

Дальнейшее развитие познания с необходимостью переходит на аналитическую ступень. В ее рамках по-прежнему часто используются термины «часть — целое», однако в них вкладывается новое — редукционистское содержание, искажающее их классический смысл. Наряду с этим формируются и принципиально новые, более полно отвечающие идеалам аналитической дескрипции категориальные средства. Это прежде всего понятия «элемент — система». Они вырастают из предшествующей им пары «часть — целое», но это не тривиальная эволюция в рамках одного качества. Категории элемента — системы отрицают пару часть — целое в том же смысле, в каком аналитический этап отрицает синкретическое наивно-диалектическое созерцание древних. Познание теперь не ограничивается констатацией неоднородности и многообразия, но направлено через последовательный анализ на все более точное отражение этого многообразия и его связей. Правда, нетривиальное целое есть в широком смысле слова живое. Его особенностью выступает то, что оно «в каждое данное мгновение является тем же самым и не тем же самым» [1, т. 20, с. 21]. Поэтому процесс анализа, фиксирующий части, тем самым огрубляет и убивает их, превращая целое в упорядоченное множество хорошо определенных, но мертвых индивидов, в систему элементов. При этом одним из основных факторов, определяющих качественное различие систем, выступает их структура, понимается как особенная, присутствующая лишь данной системе упорядоченность ее элементов. Иначе говоря, структура выступает важнейшим инвариантом однокачественных систем, отличающим их от других систем. Еще одним фактором, детерминирующим качество системы, является природа ее элементов. Абсолютизация аналитического подхода в познании живой целостности мира, безусловное утверждение

аналитической дескрипции исторически реализуется в метафизике Нового времени.

Аналитический этап, выступая отрицанием наивно-диалектических взглядов, сам подлежит отрицанию, и это отрицание должно возвратиться, но на более высоком уровне, снимая итоги и аналитической фазы познания, к отражению целостности как нередуцируемой, находящейся в постоянном изменении, способной к саморазвитию.

Развитие связки понятий о целостности в рамках высшей синтетической фазы познания приводит к формированию характерной для нее пары «абстрактное — конкретное». Основная смысловая нагрузка этих понятий состоит в отражении внутренней противоречивости целостности как источника ее саморазвития. Кроме того, будучи наиболее богатыми по содержанию понятиями о целостности, категории «абстрактное — конкретное» снимают в себе основные итоги предшествующего развития познания данного феномена: они отражают также нередуцируемость и упорядоченность целостности. Принимая во внимание эти свойства целостности, явный учет которых только и делает здесь возможным «синтез многих определений», можно следующим образом определить, например, категорию «конкретное»: конкретное есть саморазвивающаяся цельная система, саморазвивающееся системное целое. Поскольку понятие конкретного отражает основные свойства целостности, то категория «конкретное» практически совпадает с категорией «целостность».

Конкретизация категорий «единое — многое» в процессе «порождения» из них пар «часть — целое», «элемент — система», «структура», «абстрактное — конкретное», «целостность» составляет основание явного определения исходной пары. Эти категории выступают теперь не как абстрактные определения бытия, но как снявшие в себе все богатство процесса своей конкретизации. Их дефиниции, следовательно, состоят в перечислении всех тех свойств целостности, которые отражены в «порожденной» из них связке понятий об этом феномене. Такое понимание служит, в частности, основой для выделения двух аспектов категории «единое» — дескриптивного и диалектико-логического. Эти аспекты детерминированы процессом конкретизации исходной пары и отвечают соответственно фазам $A(c)$ и $C(A)$. Поэтому дескриптивное толкование единого близко к понятию системы, а диалектико-логическое — к понятию конкретного, целостности. Таким образом мы снова возвращаемся к исходным категориям «единое—многое», но теперь как к существенно обогащенным, конкретным понятиям. Они оказываются весьма конструктивным средством в описании нетривиальных целостностей, в частности при решении принципиальных методологических проблем специального научного познания [5; 8].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20; 46, ч. 1. 2. Мукашев З., Науменко Л. Важное направление философских исследований.— Коммунист, 1965, № 15, с. 112—116. 3. Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития.— В кн.: Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1979. М., 1980, с. 25—54. 4. Тягло А. В. Проблема целостности в философии древних греков. — Вестн. Харьк. ун-та, 1981, № 208, вып. 15, с. 79—85. 5. Тягло А. В. Методологическая роль диалектики части и целого в современном научном познании: Дис. ... канд. филос. наук. — Харьков, 1982.— 180 с. Машинопись. 6. Мамалуй А. А. Методология «Капитала» К. Маркса и системное единство диалектического и исторического материализма. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979.— 176 с. 7. Кедров Б. М. Противоречивость познания и познание противоречия. — В кн.: Диалектическое противоречие. М., 1979, с. 9—38. 8. Цехмистрю И. З. Диалектика множественного и единого. Квантовые свойства мира как неделимого целого.— М.: Мысль, 1972.— 276 с.

Поступила в редколлегию 25.01.83.

С. В. ЖЕРЕБКИН

О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ ЕДИНОГО И ОБЩЕГО

Объективной предпосылкой и необходимым условием процесса познания, раскрывающего закономерную связь явлений, выступает материальное единство мира. Выделение в едином закономерного, существенного ведет к определению общего. В. И. Ленин писал, что «родовое понятие есть «сущность природы», есть закон» [2, т. 29, с. 240]. Поэтому понятие единства раскрывается через обращение к понятию общего, которое имеет единое в качестве собственного основания. Этот взаимопереход понятий, отражающий реальное отношение и связи действительности, служит необходимым условием формирования научной методологии познания и имеет важное значение для осмысления системы категорий материалистической диалектики.

Для выяснения основных моментов соотношения категорий единого и общего необходимо исследовать начальную фазу формирования этих понятий, что позволит глубже раскрыть их существенные характеристики. Начальным этапом формирования категорий общего и единого является античная философия. Древнегреческий философ Платон полагал, что сущность отдельных вещей заключена в их общей идее, которая отлична от каждого из своих разнообразных проявлений и в то же время одинакова в любом из них. Такая внутренняя противоречивость сущности порождает парадоксы и трудности, преодоление которых невозможно до тех пор, пока идеи оторваны от вещей и не показан взаимопереход этих противоположностей.

Механизм причастности вещей идеям Платон воспроизводил посредством диалектики единого (одного) и многого (иного), которую он развил, основываясь на достижениях элейской школы. В элейской философии существует наивное, но классическое

по ясности и простоте выражение диалектики единого и многого, согласно которой эти категории неотделимы одна от другой и единое понимается в определенном смысле: единое как одно, а не многое, единое как диалектическое отрицание (и противоположность) многого. Следует подчеркнуть, что соблюдение диалектики этих понятий (учет объективной диалектики соответствующих сторон в самой действительности) исключает возможность постановки вопроса о том, как единое порождает многое (или, наоборот, как от многого перейти к единому). Между тем Платон отрывал единое от многого и абсолютизировал единое, что привело его к неразрешимой антиномичности единого и многого. Переход единого (идеи) ко многому (материи) Платон объяснял различием и одновременным тождеством единого и взятого в качестве его предиката бытия. «Мы утверждаем, — подчеркивал Платон, — что это тождество единства и множества, обусловленное речью, есть всюду, во всяком высказывании; было оно прежде, есть и теперь» [9, с. 16—17].

Несомненно, в суждении, фиксирующем тождество и различие противоположностей, заключены элементы диалектики. В. И. Ленин отмечал, что «в любом предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика» [2, т. 29, с. 321]. Такое единство противоположностей раскрывает источник самодвижения, его двигательную силу. «Условие познания всех процессов мира, — подчеркивал В. И. Ленин, — в их «самодвижении», в их спонтаннейшей развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей» [2, т. 29, с. 317].

Единое у Платона предполагает одновременное тождество и различие многих «одних», становится внутренним источником саморазвития, порождающим множественность бытия единством. Если рассматривать единое в исходном виде, то принципом его действия является многократное повторение «одного». Каждая из частей единого, взятая как элемент бесконечного множества, не представляет собой инобытия другой части, не есть другое по отношению к другому и предполагает всецело безразличное или чисто количественное отношение «одних» между собой. Поэтому, как отметила П. П. Гайдено, «в своем учении о единстве и многом Платон оказался пифагорейцем» [6, с. 163]. Дальнейшее развитие и конкретизация диалектики связаны с прогрессом качественного различия противоположностей, частей платоновского многого.

Ученик Платона Аристотель предпочел «чистое» исследование, которому чужды утопические сочинения типа «Государство» и «Тимей». В его философии мировоззренческий аспект переносится со всеобщих структур мировой схематики в область обыденно-практической деятельности и познания частного. В конечном счете Аристотель пришел к несогласию с платоновской

математической концепцией вещества и ориентируется на качественную физику. По мнению В. П. Визгина, Аристотель утверждал, что «различать тела и объяснять их поведение нужно не фигурами (геометрический подход) и не числом (количественный подход), а физическими качествами и их взаимодействиями» [5, с. 5].

В контексте качественного характера аристотелевской физики единое Платона оказывается чисто количественным образованием, или единым «благодаря непрерывности» [3, т. 1, с. 152]. Аристотель полагал, что простое по количеству может быть одновременно единым и многим, заключать в себе противоположность. «Если единое непрерывно, — считал он, — оно будет многим, так как непрерывное делимо до бесконечности» [3, т. 3, с. 64]. Там, где предметом исследования выступает не математическое множество, а реальные виды, Аристотель указывал на недопустимость абстракции от их существенной дифференциации по форме. Он ввел момент определенности и существенного различия в элементы платоновского многого. Поэтому наряду с фиксацией видовых отличий происходит конкретизация единого как порождающего начала многих «одних» в понятие общего, содержащее некоторую существенную определенность в качестве основания родового единства отдельных вещей. Уже не одно единое, а общее стремится постичь Аристотель в вещах. Для него «необходимое знание о чем бы то ни было есть знание общего» [3, т. 3, с. 118]. Однако философ не смог показать, каким образом могут быть объединены качественно разнородные вещи. В понятии свойства, которое, по Аристотелю, является носителем сущностной определенности, он видит выражение исключительной особенности, неповторимости предмета. Поэтому род, общее теряют для Аристотеля статус первичных сущностей или самостоятельного бытия, становятся чем-то немислимым, лишенным понятия. «Кажется невозможным, — рассуждал Стагирит, — чтобы что-либо обозначаемое как общее было сущностью» [3, т. 1, с. 213—214].

Отсутствие в философии Аристотеля понятия общего (а также и понятия стоимости) объясняется историческими условиями, не позволившими ему увидеть равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще [1, т. 2, 3, с. 60]. Ставшая классической для перипатетической традиции антиномия родов и видов, охарактеризованная В. И. Лениным как «наивная запутанность, беспомощно-жалкая запутанность в диалектике общего и отдельного» [2, т. 29, с. 326], вытекает из невозможности для Аристотеля свести рожденные качественным подходом противоположности к единству, неспособности мыслить общее как единое. Обосновать тождество противоположностей на качественном уровне Стагирит не может и делает вывод о том, что если «многое противостоит единому во всех отношениях, то отсюда вытекает

несообразное» [3, т. 1, с. 264]. Природу формальной причины качественной определенности вещей Аристотель объясняет посредством понятия «сути бытия вещи» или «чтойности», представляющих собой некий неделимый образ конкретного единства явления и смысла. Однако образная природа такого единства делает последнее специфическим для античного мировоззрения и не содержит в себе определений понятия. Следовательно, прогресс в выделении качественной определенности приводит к замене диалектики категорий единого и многого рассудочной антиномией общего и отдельного. История последующих философских учений дает нам примеры обращения к одной из этих двух наметившихся в античности линий.

Предпосылки диалектического синтеза категорий единого и общего содержатся в философии Гегеля, который впервые систематизировал диалектическое учение. Критикуя недостаточность рассудочного способа мышления, проявляющуюся в формально-логическом подходе к анализу категорий, Гегель вскрыл также ограниченность платоновской диалектики. Говоря о «Пармениде» как о «знаменитейшем шедевре платоновской диалектики» [8, с. 171], он тем не менее утверждал, что «ту диалектику, в соответствии с которой Платон трактует в «Пармениде» единое, также следует признать больше диалектикой внешней рефлексии» [7, с. 160—161]. Проявление внешней рефлексии Гегель видит прежде всего в том, что «этот путь имеет некоторое предположение» и «единое приведено здесь в связь с бытием» [7, с. 161]. Иначе говоря, Платон постулирует факт получения единым предиката бытия, хотя согласно требованию систематического изложения диалектики он должен быть обоснован, выведен, явиться следствием самоопределения мышления. Самоопределение и самообоснование по Гегелю возможно только тогда, когда тождество и единство противоположностей снято и вылилось в становление, которое суть начало новой определенности и одновременно означает положенность предыдущего, пришедшую на смену моменту отрицательности, абстрактного различия. Диалектика единого и многого у Платона не удовлетворяет Гегеля тем, что она «носит отрицательный характер и не представляет собою такого отрицания, как отрицание отрицания, которое выражает собою подлинное утверждение» [8, с. 174]. Пока тождество единого и многого сохраняется как таковое и не есть «рефлексия в себя», «возвратившаяся в себя мысль», оно представляется лишь «пустым кружением в пустых абстракциях» [3, с. 175].

По существу, гегелевская критика диалектики Платона направлена против ограниченно количественного характера этой диалектики и в этом аспекте имеет рациональное зерно. Требование Гегеля состоит в том, чтобы противоположность единого многому была снята, получила новые определения, а противоречие тем самым поднялось бы на более высокую ступень своего

развития. Эту проблему конкретизации единого Аристотель не смог решить. В философии Гегеля, представляющей собой систему разворачивания определений мышления методом восхождения от абстрактного к конкретному, философские категории строятся на идеалистической основе. Диалектическое мышление Гегеля — есть абсолют, поглотивший реальную историю и лишивший ее действительной самостоятельности.

Только марксистская философия дала подлинно научное решение проблемы. Ф. Энгельс писал, что основанием единства мира является его материальность, которая «доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания» [1, т. 20, с. 43], что предполагает всестороннее осмысление истории общественного развития. Вскрывая практический характер человеческой деятельности, диалектический материализм выясняет реальное содержание понятия единства, преодолевает свойственную идеалистическому рассмотрению абсолютизацию одной из сторон предмета. Обоснование единства различных сфер действительности — требование материалистической диалектики, изучающей явления во взаимосвязи и развитии. Категория единого в значительной мере способствует решению этой задачи, отражая присущий бытию импульс самодвижения, осуществляемого посредством тождества противоположностей. Однако взятая изолированно диалектика единого и многого носит абстрактный характер, так как не содержит в себе момент качественного различия элементов множества. Для конкретизации понятия единства необходима выработка категории общего, фиксирующей существенное различие многих членов единства и имеющей своим результатом выдвижение противоположности общего отдельному. В отличие от гегелевской диалектики, снимающей рассудочную антиномичность родов и видов за счет абсолютизации всеобщности мышления, марксистская философия усматривает реальное основание взаимопроникновения различного во всеобщем характере человеческого труда.

Таким образом, посредством диалектико-материалистического решения проблемы общего, дающей ключ к единству противоположностей, мы вновь возвращаемся к понятию единого, которое приобретает законченный и универсальный характер. Как отмечает В. А. Вазюлин, «категории диалектической логики являются «живыми» лишь в единстве с другими категориями, только в системе категорий каждая категория приобретает свое специфическое категориальное существование, и только в системе, в связи с другими категориями она может получить свое определение» [4, с. 264]. Благодаря диалектическому синтезу определений единого и общего происходит отрицание отрицания, взаимообоснование этих категорий в системе категорий материалистической диалектики.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, 20, 23. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29. 3. Аристотель. Соч.: В 4-х т. — М.: Мысль, 1976—1982. 4. Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. — М.: Изд-во МГУ, 1968.— 295 с. 5. Визгин В. П. Генезис и структура квалитативизма у Аристотеля.— М.: Наука, 1982.— 429 с. 6. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки.— М.: Наука, 1980.— 567 с. 7. Гегель Г. В. Ф. Наука логики.: В 3-х т. — М.: Мысль, 1970.— Т. I. 501 с. 8. Гегель Г. В. Ф. Соч.: В 14-ти т. — М.: Партиздат, 1932.— Т. 10. 454 с. 9. Платон. Соч.: В 3-х т. — М.: Мысль, 1971.— Т. 3. 687 с.

Поступила в редколлегию 25.01.83.

В. С. ЗАБЕЛИНА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИДЕИ ЕДИНСТВА МИРА В НАУКЕ

(на примере анализа макроквантовых эффектов)

«Уразумение того, — говорил Ф. Энгельс, — что вся совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом» [1, т. 20, с. 35—36]. Объективной основой этой систематической связи в природе является материальное единство мира. Формы его отражения в науке разнообразны.

Цель статьи — вскрыть еще одно конкретное проявление единства мира, а также проследить взаимосвязь и взаимопроникновение «противоречивых, взаимоисключающих, противоположных» друг другу понятий множественного и единого. Методологической основой исследования является диалектическое учение классиков марксизма-ленинизма о материальном единстве мира, понимание материи как объективной, а в рамках данной работы и физической реальности.

В статье предпринимается методологический анализ представлений о макроквантовых эффектах, выясняется их физическое единство на основе выделения вида коллективного состояния, ответственного за эти эффекты. Выявление физической основы единства макроквантовых эффектов, к которым относятся сверхизлучение (СИ), сверххращение (СР), сверхтекучесть (СТ) и сверхпроводимость (СП)*, — новый подход, так как явления, открытые и наблюдаемые при низких температурах (СП, СТ), считаются физически не связанными с явлениями, наблюдаемыми при высоких температурах (СИ, СР) в активных средах лазеров. Эти явления — объект изучения различных направлений: физики низких температур и квантовой элект-

* Термин «макроквантовые эффекты» является более широким и перечисленные сверхявления не исчерпывают всего их разнообразия, но мы ограничиваем свое рассмотрение этими, как наиболее простыми, имеющими место в одной системе в сверхсостоянии. Примером других является эффект Джозефсона, имеющий место в двух связанных системах.

троники. Теоретические описания их различны и базируются на различных методологической и феноменологической основах. Выяснение физической общности этих явлений позволит объяснить их с единых физических позиций, понять суть макроквантовых эффектов, наметить методологические подходы к построению теории коллективных состояний.

Самый интересный среди типов единого, известный еще древним, — тип единого, исследованный в элейской школе. Это единое рассматривается как диалектическая противоположность множественности. Данный тип единого реализуется в тех необычных коллективных состояниях, свойства которых обуславливают существование различных сверхъявлений.

Явления СР, СП, СТ и СИ относятся к макроквантовым эффектам, поскольку в них свойства квантовости, целостности того или иного качества системы проявляются на макроуровне. Кратко охарактеризуем перечисленные сверхъявления.

В физике низких температур известно явление СП, имеющее место, как правило, в веществах кристаллической структуры со свободными носителями заряда и состоящее в исчезновении сопротивления электрическому току при температурах ниже критической [3]. Известно также явление СТ в гелии при температуре 2,2 К, заключающееся в исчезновении у гелия вязкости [8]. Физика фазовых переходов относит эти явления к результатам так называемых переходов второго рода [10]. К подобного рода переходам следует отнести изменения состояния воды в пленках пограничного слоя над греющей поверхностью, образующихся при кризисах кипения [6]. Поведение пленок воды напоминает поведение сверхтекучего гелия: они не взаимодействуют ни с греющей поверхностью, ни с остальным объемом воды, превращаясь в тонкий слой теплоизолятора. Температура кризисного кипения воды равна 648 К.

В квантовой электронике известны явления СИ [5] и СР [4], состоящие в излучении или поглощении системой энергии с интенсивностью, пропорциональной квадрату числа частиц системы. До настоящего времени эти явления считались физически различными, независимыми друг от друга. Существовали только предположения об их физической общности, связи с когерентными состояниями, проводились аналогии.

Так, ряд исследователей проводили [14] сравнение нескольких систем с макроскопической квантовой когерентностью (сверхпроводники, сверхтекучий гелий, лазеры, ферромагнетики). Обнаружена идентичность волновых функций для таких систем, совпадение выражений для характеризующих их параметров. Но сравнительное рассмотрение явлений с макроскопической квантовой фазовой когерентностью не идет далее констатации глубокой аналогии.

Л. А. Шелепин [14] отмечает физическую общность явлений СИ, СП, СТ и СР, прослеживая их связь с когерентными со-

стояниями. Рассматривая различные аппараты описания когерентных состояний, он приходит к выводу о внутреннем единстве всех подходов. В заключении Л. А. Шелепин подчеркивает «общий глобальный характер когерентных явлений, пронизывающих современную физику на всех трех уровнях структуры материи (атомном, ядерном, элементарных частиц)», указывает, что «единство самых различных способов физического, математического и статистического описания когерентных эффектов свидетельствует о возможности существенного обобщения имеющихся понятий» [14].

Развитие этого подхода на основе анализа накопленного теоретического и экспериментального материала и выявления вида коллективного состояния, ответственного за эти эффекты, показывает, что все макроквантовые эффекты суть проявления свойств систем тождественных частиц при прохождении ими особых коллективных состояний, именуемых «сверхсостояниями» (аналогично названиям эффектов). Термин «сверхсостояние» уже использовался [9], но без конкретизации и определения этого состояния. Вид коллективного состояния, ответственный за сверхэффекты, безотносительно к конкретным системам, в которых эти эффекты были впервые обнаружены, можно определить следующим образом. Сверхсостояние (СС)—это коллективное упорядоченное состояние системы тождественных частиц или квазичастиц (далее частиц), наступающее, как правило, в результате фазового перехода типа второго рода, в котором все частицы находятся в одном сфазированном квантовомеханическом состоянии и характеризуются собственной частотой колебаний или вращений ω .

При прохождении системой СС в ней наблюдаются соответственно при создании и разрушении СС—СР и СИ, в самом СС—СТ и СП. По своей физической сути СС сводятся к так называемым фоковским состояниям [12]. Фоковское состояние $|n\rangle$ является простейшим частным случаем когерентного состояния, с фиксированной модой и числом заполнения n . Находясь в состоянии $|n\rangle$, частицы утрачивают свою индивидуальность, так что бессмысленно говорить о каждом из них в отдельности, а все их множество, стираясь, рождает новую индивидуальность с присущими ей новыми свойствами. В результате это состояние характеризуется такой целостностью, по отношению к которой становится полностью неадекватным представление о какой-либо множественной его структуре. При сохранении же множественного языка мы должны говорить о том, что совпадение квантовомеханических состояний частиц в такой системе означает совпадение их динамических симметрий. Поэтому при образовании стационарной физической системы между ее частицами на основании совпадения их симметрий возникает особый вид связи. Таким образом, фоковские состояния в силу принципа симметризации по сути являются связанными (особым образом) состоя-

ниями. Основу этой связи составляет свойство целостности и неразложимости системы на множество элементов, выражаемое наличием единой ψ функции. Внешним же выражением этой связи являются свойства симметрии системы. Рассмотрим это более подробно на примере гармонического осциллятора.

Единичный гармонический осциллятор представляет собой систему из n квантов частоты ω . Полная энергия E_n такой системы есть просто сумма энергий квантов $\hbar\omega$. Следовательно, взаимодействие между квантами, если их представить как частицы — индивидуумы, которое должно увеличивать или уменьшать массу-энергию системы, как будто не имеет места. Но если такая система может в течение какого-либо времени сохранять стационарность своего состояния, между составляющими ее частицами должно возникать максимально возможное взаимодействие, в противном случае рассматриваемая система не утрачивает черты множественного и не приобретает черты единого — гармонического осциллятора.

Итак, для характеристики одного и того же состояния, представленного квантовым осциллятором, мы должны одновременно привлечь два совершенно справедливых, но полностью противоположных и исключаящих друг друга утверждения: а) кванты излучения одной частоты, образующие систему осциллятора, не вступают между собой ни в какое физическое взаимодействие, ибо в противном случае энергия осциллятора не была бы аддитивной суммой энергий отдельных квантов; б) кванты излучения одной частоты, образующие систему осциллятора, находятся в максимальном по величине взаимодействии, ибо только максимальное физическое взаимодействие способно сплотить множество этих квантов в единое целое, в котором они полностью теряют свою индивидуальность и перестают быть множеством частиц, превращаясь в монохроматическую волну (т. е. в множество частиц в едином квантовом состоянии). Одновременное обращение к противоположным представлениям свидетельствует о том, что тот особый вид связи, который имеет место в фоковском состоянии и приводит к появлению свойства целостности у системы, не учитывается в приведенном описании осциллятора, но оказывается отраженным самим его названием — единый гармонический осциллятор.

Сформулируем теперь свойства систем в СС, которые могут рассматриваться как ответственные за перечисленные сверхэффекты. В любой системе, находящейся в СС, имеет место исчезновение актуально множественной структуры системы, приводящее к исчезновению внутреннего трения и превращающего систему в единую макрочастицу; исчезающее малое динамическое взаимодействие системы как целого с окружающей средой, приводящее к исчезновению внешнего трения при движении системы в среде. Первое из этих свойств можно считать ответственным за эффект СТ, а второе — за эффект СП, если СТ

определить как исчезновение внутреннего трения (вязкости) в системе, а СП — как исчезновение внешнего трения при движении системы в среде, так как используемые в настоящее время в физике понятия СТ и СП четко не разграничены, а определения их привязаны к тем системам, в которых они наблюдались впервые (гелий и электроны в металле). Как следует из свойства СС, внутренняя энергия системы остается ненаблюдаемой в этом состоянии, а изменения ее обнаруживаются только при его разрушении или организации. Именно при переходе системы в СС и при его разрушении обнаруживается еще одно свойство СС — нелинейное взаимодействие системы с окружающей средой. Проявление этого свойства — эффекты СР и СИ. Иными словами, при переходе в СС энергия превращается в когерентную и захватывается системой, а при разрушении СС — высвобождается когерентная энергия, остающаяся таковой или рассеивающаяся в среде в зависимости от конкретных условий. Оба процесса протекают нелинейно, что по определению и есть СР и СИ.

Таким образом, если какая-либо система частиц находится в СС или проходит его, то она должна обладать всеми его свойствами, т. е. должны реализоваться и все эффекты — СР, СТ, СП, СИ, которые специфически проявляются в каждой реальной системе. Действительно, рассмотрение явлений, происходящих в сверхпроводниках [3], сверхтекучем гелии [8], пленках воды при кризисах кипения [6], активных средах лазеров и мазеров [2] подтверждает наличие перечисленных свойств в соответствующих системах в СС. Во всех этих системах мы имеем как проявление свойств нелинейного взаимодействия системы с окружающей средой при переходе в СС и разрушении его, так и эффекты СТ и СП, специфически проявляющиеся в каждой системе. Так, пример проявления СП в среде лазеров — эффект самоиндуцированной прозрачности [7], а проявление СИ в сверхпроводниках — термомеханический эффект понижения температуры образца при адиабатическом переводе его в нормальное состояние [3].

Методологическое значение введения понятия СС состоит в том, что оно позволяет по-новому подойти к известным сверхъ явлениям, а также к другим макроквантовым эффектам. Исследование СС и его свойств дает возможность методологического объединения теорий этих явлений и объяснения их с единых позиций, так как в их основе лежит одно и то же коллективное состояние. Представление о СС может позволить также прямое аксиоматическое построение теории макроквантовых эффектов, а интерпретацию теории можно надеяться вывести за рамки жидкого гелия, электронов в сверхпроводниках, активных лазерных сред, распространив ее на другие системы. Характерной особенностью СС является то, что в нем отдельные частицы утрачивают свою индивидуальность и весь коллектив ведет себя

и проявляет свои свойства как единое и неразложимое на множества целое. Поэтому СС дают конкретный пример существования и проявления в природе в конкретных физических системах высшего типа единства, для понимания которого необходимо обращение к диалектике [13]. Прохождение же системой частиц этого состояния, когда коллектив индивидуумов превращается в новый единый индивидуум и снова возвращается в состояние коллектива, представляет собой замечательный пример диалектики множественного и единого в свойствах природы.

Исследование СС и их свойств имеет эвристическую ценность и для естествознания в целом. Покажем это на примере второго закона термодинамики и принципа экстремального действия, лежащих в основе теоретической физики. Термодинамика изучает системы, которые имеют в той или иной степени произвольное распределение частиц по состояниям-энергиям, что позволяет вводить для описания системы такую усредненную статистическую характеристику, как температура. СС характеризуется тем, что в нем распределение по состояниям-энергиям схлопывается в δ -функцию Дирака, и вследствие этого все статистические характеристики утрачивают смысл. Таким образом, СС как бы выпадают из сферы действия термодинамики и того аппарата статистической физики, который в ней применяется. В то же время СС является коллективным состоянием и как все коллективные состояния должно подчиняться законам термодинамики. Иначе говоря, чтобы термодинамика и ее законы могли претендовать на полноту, предельные состояния систем типа СС должны быть включены в сферу ее компетенции. Что же этому мешает? Прежде всего неучет существования СС со всеми их свойствами (с достижением упорядочения и концентрации энергии, а следовательно, состояний с убывающей энтропией) во втором законе термодинамики, согласно которому энтропия может только увеличиваться, но не уменьшаться. Это приводит к несогласованности первого и второго законов термодинамики, на которую указывал еще Ф. Энгельс, критикуя Клаузиуса. Если энтропия может создаваться, то и энергия не должна оставаться постоянной, а теряться хотя бы качественно.

Значит она уничтожима, а это абсурд, не соответствующий первому закону термодинамики. Следовательно, «все учение о «сохранении силы» бессмыслица... и все его (Клаузиуса. — В. З.) выводы из этого учения тоже бессмыслица» [1, т. 20, с. 600]. Ф. Энгельс писал: «Вопрос будет окончательно решен в том случае, если будет показано, каким образом излученная в мировое пространство теплота становится снова *используемой*» [Там же, с. 599], т. е. будут найдены процессы, в которых энергия не рассеивается, а концентрируется. По-видимому, отсутствие знаний о таких процессах и о механизме концентрации заставило в свое время Клаузиуса, автора этих законов, фор-

мулировать их дважды. В первоначальной формулировке (1854 г.) второй закон содержал только знак равенства и был согласован с первым. В 1862—1865 гг. Клаузиус переформулировал второй закон, введя в него знак неравенства. С тех пор в таком измененном виде он и существует, хотя, как отмечает И. Пригожин [11], область действия неравенства $dS \geq 0$ остается неопределенной.

Можно считать, что механизм и условия концентрации энергии в природе раскрыты. В частности, они могут быть связаны с достижением сверхсостояний и состояний, близких к ним по виду распределения частиц по состояниям-энергиям, т. е. распределений, близких к δ -функции Дирака. Эти состояния дают пример состояний в природе, в которых энергия концентрируется в определенном материальном носителе, упорядочивается с уменьшением энтропии. Необходимыми условиями вхождения в такие состояния являются тождественность частиц, т. е. совпадение их геометрической и динамической симметрий; принадлежность к бозонам; пространственная сближенность для приобретения системой структуры с пониженной симметрией, и, наконец, достижение критических значений некоторых факторов, определяющих переход в СС или выход из него. Механизмом этого процесса является механизм когерентизации.

Законы термодинамики, после учета в них предельных состояний, следует оставить в первоначально возникшем виде или близком к нему и записывать, например, так:

$$\text{I. } \sum_{i,j} dE_i(j) = 0; \quad \text{II. } \sum_{i,j} dS_i(j) = 0,$$

где суммирование производится по всем возможным в замкнутой системе видам энергии E_i и их энтропиям S_i , а также по всем возможным процессам j . Это будут уже законы не термодинамики, а динамики коллективных состояний. Следовательно, законы термодинамики исчерпывают себя и должны стать частным случаем более общих законов динамики.

Принцип экстремального действия является также фундаментальным принципом, лежащим в основе всей теоретической физики. Согласно этому принципу принято считать, что для любой физической системы существует величина действия S , которая в случае действительно происходящего движения принимает экстремальное значение, т. е. вариация действия $\delta S = 0$. Все уравнения движения — классической механики, электродинамики, гравитационной механики, квантовой механики — выводятся из этого принципа варьированием по соответствующему параметру.

Экстремальность действия подразумевает два предела действия — минимум и максимум. Однако обычно подразумевается минимум действия, так что сам принцип нередко называют принципом наименьшего действия. Отчасти это объясняется, по-видимому, неизвестностью случаев и примеров, когда бы движение происходило при максимальном действии. Поэтому

можно сказать, что СС, в котором энергия может быть максимально большой для системы, как раз в силу своей специфики представляют пример таких состояний и процессов, существующих в природе и уже проявивших себя в известных сверхпроцессах. Таким образом, СС помогают осознать во всей полноте принцип экстремальности действия. И в этом еще одно проявление эвристической ценности знаний о СС для естествознания в целом.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20. 2. Бирнбаум Дж. Оптические квантовые генераторы.— М.: Сов. радио, 1967.— 359 с. 3. Буккель В. Сверхпроводимость.— М.: Мир, 1975.— 366 с. 4. Гадомский О. Н., Нагибаров В. Р. Квантовая теория сверхрассеяния.— Изв. АН СССР, 1973, т. 37. Сер. физ., № 10, с. 2195. 5. Голенищев-Кутузов В. А., Смоляков В. Н. Акустическое сверхизлучение.— Изв. АН СССР, 1973, т. 137. Сер. физ., № 10, с. 2073. 6. Денисов Ю. П. Электромагнитный обмен у пограничному шарі киплячої рідини.— Вісн. Харк. ун-ту. Радіофізика, 1969, вип. 2, с. 92. 7. Драбович К. И. Резонансное взаимодействие коротких световых импульсов с веществом.— УФН, 1968, т. 95, с. 547. 8. Кеезом В. Гелий.— М.: Изд-во иностр. лит., 1949.— 542 с. 9. Копвиллем У. Х., Нагибаров В. Р. Сверхизлучательные процессы в конденсированных средах.— ВИНТИ, № 4906. Деп., с. 4. 10. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Статистическая физика.— М.: Наука, 1964.— 234 с. 11. Пригожин И. Время, структура и флуктуации: Нобелевская лекция по химии 1977 года.— УФН, 1980, т. 131, с. 185—207. 12. Цехмистро И. З., Забелина В. С. Эвристическая роль союза марксистской философии и современного естествознания.— В кн.: Философские проблемы современного естествознания. Киев, 1981, с. 91—99. 13. Цехмистро И. З. Методологическая роль диалектики множественного и единого в современном естествознании: Автореф. дис... д-ра филос. наук.— Киев, 1977.— 34 с. 14. Шелепин Л. А. Когерентная физика и ее приложения.— Труды физ. ин-та им. Лебедева, 1976, т. 87, с. 3—20. 15. Rogovin D., Scully M. Superconductivity and macroscopic quantum phenomena.— Phys. Reports (Sec. C of Physics Letters), 1976, v. 25, N 3, p. 175—291.

Поступила в редколлегию 25.02.83.

В. Л. ПАСИСНИЧЕНКО

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ «ВЫЖИВАНИЯ» КАПИТАЛИЗМА

Современный этап развития мировой цивилизации породил целый ряд сложных проблем, затрагивающих интересы всего человечества. «Обоснованны его тревоги, — подчеркивал Ю. В. Андропов, — связанные с обострением сырьевой, энергетической, продовольственной, экологической и других проблем глобального масштаба» [4, с. 23]. Методологической основой исследования глобальных проблем служит марксистское положение о единстве отношений между людьми в обществе и человека к природе [1, т. 3, с. 29], позволяющее наряду с естественно-природными, технологическими и общечеловеческими выявить

социальные корни глобальных проблем. При таком подходе глобальные проблемы рассматриваются как закономерное следствие развития общественной системы, основанной на частной собственности и эксплуатации человека и природы, отчуждение которых капитализм доводит до предела. «...Отношение рабочего к продукту труда, как к предмету чуждому и над ним властвующему..., — писал К. Маркс, — есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему» [1, т. 42, с. 91]. Поэтому обострение глобальных проблем неразрывно связано с общим кризисом капитализма.

Буржуазные исследователи отождествляют глобальный и общечеловеческий характер мировых проблем с «надклассовостью», что якобы превращает их в основу сплочения человечества, ставит выше основного противоречия современной эпохи [11, с. 55]. Тем самым буржуазная глобальная экология наряду с технократическими теориями стремится решить проблему кризиса капитализма и построения альтернативной марксизму концепции исторического развития [7, с. 7]. Все это определяет значение глобальных проблем в идеологическом и социально-экономическом противоборстве социализма и капитализма. Поэтому исследование глобальных проблем, их философского содержания — актуальная задача советских обществоведов [12, с. 48]. «Немаловажно при этом, — отмечалось в передовой статье журнала «Вопросы философии», — всесторонне раскрывать нравственное содержание и направленность различных решений глобальных проблем современности» [10, с. 13].

Определенный интерес в этой связи представляет анализ работы экономиста, профессора Колумбийского университета Эмиля Бенойта (Emile Benoit) «Прогресс и выживание. Очерк о будущем человечества» [13]. Заслуживает внимания попытка автора применить комплексный подход на межпредметной основе при решении глобальных проблем, что сегодня является объективной необходимостью в изучении этого вопроса [6, с. 18]. Примечательно, что предисловие к работе написано известным американским экономистом К. Боулдингом, с именем которого связано зарождение концепции «экологической революции» и «социальной экологии» [7, с. 73; 8, с. 74]. И в этом факте есть внутренняя логика, так как ключевые положения исследования во многом перекликаются с идеями К. Боулдинга. Кому как не ему, с его убеждением в необходимости применять к социальной организации понятия биологии, должен импонировать подход Э. Бенойта к проблеме прогресса через призму выживания человечества, отражающий новейшую тенденцию в современных буржуазных теориях. Не случайно К. Боулдинг восхищается выраженной в работе Э. Бенойта идеей «общества, способного выжить» (sustainable society), так как в этом обще-

стве критерием прогресса являются не успехи в социальном развитии, а видовое выживание человечества.

В работе американского экономиста дана мрачная картина современного развития человечества и его дальнейших перспектив. Автор, вслед за другими буржуазными учеными, делающими вывод о неизбежности коллапса независимо от социального строя общества, констатирует острый кризис «выживания человечества». «Если события будут развиваться в прежнем направлении,— пишет Э. Бенойт,— мы, очевидно, вымерем в течение максимум трех столетий» [13, с. 13]. Прошедшие двести лет американской истории примечательны, по его мнению, не успехами в развитии, а образом жизни, основанным на иллюзии существования в мире изобилия. Определенную долю вины в поддержании этой иллюзии американский экономист возлагает на религию. Указывая, что в ортодоксальной религии больше эсхатологических доктрин, чем уверенности в вечной жизни на земле, он противопоставляет слепой вере активную человеческую деятельность. Однако эта же деятельность трактуется им как основная причина кризиса выживания. «Кризис, — пишет Э. Бенойт, — является результатом наших сегодняшних беспрецедентных успехов, обеспечивших наше господство над всеми другими развитыми формами жизни...» [Там же, с. 14]. Наиболее четко кризис проявляется в том, что исследователь назвал «синдромом экспоненциального роста». По определению Э. Бенойта этот синдром выражается в приближении к критической фазе, когда наука и техника уже не в состоянии расширить пределы роста, обусловленные окружающей средой, устранить негативные последствия экспоненциального роста, поэтому процесс развития превращается в разрушительную силу, накапливающую проблемы и откладывающую их решение на будущее [Там же, с. 17].

Э. Бенойт драматически описывает будущий век нехваток как следствие истощения энергетических ресурсов, обострения пищевой проблемы, загрязнения среды и беспомощности технологии исправить положение. При этом слепую веру в технологию он считает составной частью «синдрома экспоненциального роста» и доказывает ее несостоятельность. «Технология, — пишет Э. Бенойт, — это не всемогущая сила, на которую можно рассчитывать при решении любых проблем, создаваемых нами. Точно так же ее экспоненциальный рост не гарантирует, что она может решить проблемы, созданные экспоненциальным ростом остального» [Там же, с. 55].

Однако американский экономист не пессимист. Он сознательно драматизирует ситуацию современного мира, что характерно для западных экологов-алармистов, с целью пробудить сознание и активность людей. Не случайно в заключении работы автор признает, что если удастся «разъяснить и драматизировать эту угрозу, тогда глубокая воля к жизни, заложенная

в человечестве, мобилизует усилия, необходимые для осуществления нужных реформ» [Там же, с. 123]. Э. Бенойт считает, что чрезвычайная популярность пессимистических взглядов не доказывает их справедливости. «Главным образом это выражает, — пишет он, — неспособность нашего современного социального устройства сделать многих людей счастливыми и указывает на более серьезные и масштабные страдания в будущем, если мы будем развиваться в прежнем направлении» [Там же, с. 7].

Такое утверждение американского экономиста вовсе не случайно. Наряду с синдромом экспоненциального роста и созданием разрушительных систем ядерного оружия причиной кризиса выживания, по мнению Э. Бенойта, является процесс «дезинтеграции — отчуждения». Исследователь показывает всеобщий упадок и состояние общей тревоги, господствующее в американском обществе. Он отмечает, что для современного положения США характерны экономическая нестабильность, безработица, кризис общества, религии, семейного института, а также растущее отчуждение человека, варьирующее от простого страдания, названного социологом Ф. Слейтером «манией одиночества», до увеличения числа лишних людей и случаев алкоголизма, преступности, нигилизма и т. д. [Там же, с. 23]. И хотя эти явления существовали раньше, теперь они, указывает Э. Бенойт, все более угрожают жизни человечества и могут привести к падению цивилизации подобно падению Римской империи [Там же, с. 24].

Таким образом, обострение кризисных явлений капитализма вынуждает буржуазных ученых обратиться к анализу социально-политических аспектов глобальных проблем. Однако такой анализ — всего лишь очередной тактический прием буржуазных теоретиков с целью защиты капитализма. Пытаясь выступить в роли обличителей порока этого строя, они стремятся решить его социально-политические проблемы на альтернативной марксизму основе. Это характерно и для Э. Бенойта. Но обличительный пафос его критики социально-политического несовершенства буржуазного общества превращается в морализующий социальный критицизм, служащий лишь доказательством необходимости реформ и изменения политики буржуазного государства. Поиски ответа на вопрос, какой должна быть эта политика, характерны для многих направлений буржуазной идеологии. Показательно в этом плане высказывание профессора, политолога Гарвардского университета Г. Брукса: «...мы неожиданно активно обратились к ограничениям на развитие технологии, осознав вредные последствия отсутствия социальных ограничений. Тем не менее, мы склонны забывать, что этот процесс, вероятно, гораздо более симметричен, чем скажем, сдерживание технологического развития может иметь такие же неприятные побочные действия, как и поощрение этого развития» [15, с. 16].

Э. Бенойт также пытается найти средний путь развития. Отвергая как предложение Г. Кана о неограниченном росте производства и населения в течение пятидесяти — ста лет, так и решение проблемы путем прекращения этого роста, он предлагает в качестве альтернативы политику «динамического эквиполюума», т. е. динамического равновесия между экономическим развитием и окружающей средой. Осуществление этой политики возможно благодаря трем политическим нововведениям. Первое из них — «консервация упрощения» — предполагает отказ от потребления, навязанного рекламой и общественным положением, перевод экономики на работу в соответствии с новой «инвайероментальной производительностью», учитывающей воздействие производства на окружающую среду и обеспечивающей экономию ресурсов. Второе направление предполагает развитие науки и техники как основы решения проблем. Оно отражает отказ буржуазного ученого от технократических иллюзий и попытку заменить их не менее иллюзорной возможностью поставить научно-техническое развитие на службу обществу в условиях капитализма, модернизировав политику государства и изменив его ориентацию с военных целей на интересы человека и окружающей среды.

Самым радикальным направлением политики «динамического эквиполюума» является программа «Сокращения Роста Населения», предлагаемая как самый эффективный путь решения основных проблем, но по сути носящая реакционный неомальтузианский характер. Возможность устранения опасности мирового голода Э. Бенойт связывает с созданием нового международного агентства, контролируемого субсидирующими государствами. Такое агентство должно оказывать помощь только тем странам, которые эффективно осуществляют эту программу. Что касается причины отсталости развивающихся стран, то она, по мнению американского экономиста, заключается не столько в последствиях политики колониализма, сколько в распространении на эти страны развитого медицинского обслуживания, приведшего к сокращению смертности. Обоснованно предвидя обвинения в геноциде и пытаясь заранее их опровергнуть, Э. Бенойт тем самым пытается скрыть реакционный характер своей программы «Сокращения Роста Населения». Подобная спекуляция на демографических факторах и возрождение неомальтузианства еще раз подчеркивают необходимость, по словам В. И. Ленина, «вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества» [2, т. 23, с. 257].

Осуществление своей политики Э. Бенойт связывает с широким движением, состоящим из представителей научных кругов, сторонников «консервации-упрощения», инвайероменталистов, сторонников контроля рождаемости и вооружений, либеральных

религиозных групп. Это движение он называет «сервивалистским», т. е. движением за выживание. В сочетании с модернизацией буржуазного государства, в котором на смену политике должны прийти люди, занятые в науке и искусстве, оно служит Э. Бенюйту основанием для оптимизма. Массовость и широта базы нового движения, опора на научную политику позволит, считает Э. Бенюйт, завоевать симпатии большинства, и это движение «может стать главным социальным движением на оставшуюся часть нынешнего века и подготовить почву для фундаментального изменения в законах и социальных институтах в следующем веке», который «окажется веком, достигшим решающей революции в истории — революции, которая даст человечеству новый шанс» [13, с. 101].

Таким образом, перед нами еще одна разновидность концепции экологической революции, новейшего средства опровержения марксистского учения о классовой борьбе и социалистической революции [5].

Утверждая, что достижение социального равенства возможно в условиях буржуазного общества, Э. Бенюйт провозглашает приоритет проблемы выживания в современном мире. Логика буржуазного теоретика довольно проста: «если мы выживем, мы можем заняться социальной справедливостью, если нет, то к чему это беспокойство» [13, с. 99]. Предвидя марксистскую критику своей концепции, Э. Бенюйт заранее пытается исказить ее истинные причины, представить ее как следствие консервативности и односторонности коммунистов. «Те, чей образ мыслей до сих пор находится под влиянием манифеста Маркса и Энгельса, написанного 125 лет назад, — заявляет он, — могут быть просто неспособны к пониманию того, что что-нибудь иное, чем классовая борьба (или идеологические и национальные конфликты во имя ее), может быть действительно значимым или, что имеет смысл перейти временно к классовому сотрудничеству для спасения мира, в котором, если необходимо, классовая борьба может быть позже возобновлена» [Там же]. Однако такой надклассовый подход, призванный избавить от «классовой ограниченности» марксистов, вовсе не мешает Э. Бенюйту защищать интересы своего класса. Вряд ли он руководствуется интересами всего человечества, активно пытаясь предотвратить «страх тоталитаризма» и опасения, что его политика «динамического эквилибриума» потребует «отмены или радикальной модификации капитализма» и приведет «к социализму или даже диктатуре» [Там же, с. 109—110]. «...Динамический эквилибриум, — заверяет он, — сделает высокоразвитое управление более важным, чем когда-либо, и только капитализм может исторически обеспечить это» [Там же, с. 112]. В международном плане эта политика мыслится автором как союз «не-тиранических», т. е. несоциалистических правительств, объединенных целью выживания человечества, предварительным усло-

вием которого является «выживание свободы». «Вот единственное, что оправдывает, даже с сервивалистской точки зрения, — пишет Э. Бенойт, — принятие риска ядерной войны путем поддержания эффективных средств устрашения, чтобы выиграть время, пока тирании ослабеют и мир станет безопасным для разоружения» [Там же, с. 97]. Аналогичны высказывания американского философа В. Баррета, который считает основным вопросом современности «выживание человеческой свободы», т. е. «решится ли человечество на свободу или погибнет под какой-либо современной формой тирании» [14, с. 224]. В противоположность Э. Бенойту он видит выход из современной драматической ситуации в мистицизме и Дзэн-буддизме. Но противоречия между концепциями буржуазных теоретиков являются гораздо менее важными, чем их единство на основе апологии капиталистического строя. Подтверждением этому служат и появившиеся в последнее время на Западе проекты выживания на основе союза науки и религии, слияния научных и религиозных знаний в форме научной теологии, способной якобы обеспечить выход из кризисного состояния общества [16, с. 62—64]. Это еще одна попытка исказить реальные причины кризиса, коренящиеся в капиталистической системе, которая превратилась в глобальную проблему, создающую опасность для существования человечества.

Таким образом, анализ работы Э. Бенойта «Прогресс и выживание. Очерк о будущем человечества» показывает, что глобальная проблематика активно используется буржуазными идеологами для защиты капитализма и борьбы с марксизмом и социализмом. В новой форме возрождаются дискредитировавшие себя идеи государственно-монополистического регулирования капитализма, выхода из кризиса путем социальных реформ [3, с. 20]. Классовая ограниченность буржуазных теоретиков, определяющая направление поисков такого выхода, неизбежно приводит к конструированию новых социальных утопий. Примером такой утопии является политика «динамического эквистриума» Э. Бенойта, рассматривающая прогресс с точки зрения выживания человечества. Однако подобные утопии не дают положительных результатов, пока сохраняется капиталистический способ производства. Возможность решения глобальных проблем связана только с переходом общества к социализму и коммунизму.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, 42. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 4. Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. — Коммунист, 1983, № 3, с. 9—23. 5. Есина Т. А. Несостоятельность антимарксистских доктрин экологической революции. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Теория научного коммунизма, 1981, № 2, с. 62—70. 6. Загладин В. В. Методологические проблемы исследования глобальных процессов мирового развития. — Вопр. филос., 1981, № 9, с. 17—31. 7. Кравченко И. И. Экологическая проблема в сов-

ременных теориях общественного развития. — М.: Наука, 1982. — 214 с. 8. Красин Ю. А. Революцией уstraшенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. — М.: Политиздат, 1975. — 368 с. 9. Лейбин В. Н. «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. — М.: Политиздат, 1982. — 255 с. 10. На новый уровень философских исследований. — *Вопр. филос.*, 1983, № 1, с. 3—25. 11. Степанов А. С. О социально-классовом аспекте экологических проблем в условиях современного капитализма. — *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Теория научного коммунизма*, 1982, № 3, с. 53—59. 12. Фролов И. Т. Человек и человечество в условиях глобальных проблем. — *Вопр. филос.*, 1981, № 9, с. 32—48. 13. Benoit, E. Progress and survival An Essay on the Future of Mankind. — N. Y.: Praeger scientific, 1980. — XII, 132 p. 14. Barrett W. The illusion of technique: A Search for meaning in technology civilization. — Garden City (N. Y.): Anchor press/Doubleday, 1978. — XXI, 359 p. 15. Modern technology: Problem or Opportunity? — *DAEDALUS*, 1980, vol. 109, № 1, VI. — 202 p. 16. Roy R. Experimenting with truth: The fusion of religion with technology, needed for humanity's survival. — Oxford, etc: Pergamon press, 1981. — XIII, 201 p.

Поступила в редколлегия 17.03.83.

Л. А. АТРАМЕНТОВА, канд. биол. наук,
В. В. ШКОДА, канд. филос. наук

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

На XXV и XXVI съездах КПСС подчеркивалась необходимость укрепления взаимосвязи и взаимодействия общественных и естественных наук. В настоящее время особенно плодотворным может быть взаимодействие между биологией и науками социогуманитарного цикла при изучении человека. Интеграционный процесс, интенсивно развивающийся на этом стыке, обусловлен появлением новых теоретических и практических проблем в экологии, лечении генетических заболеваний, педагогике и т. д. В этой связи представляется важным критический анализ направления, получившего в западной литературе название «социобиологии». В последние годы в советских философских журналах появились обзоры, в которых с позиций марксистской философии анализируются социобиологические концепции [4; 5; 7]. В данной статье приводятся некоторые соображения, расширяющие поле аргументации вокруг проблемы: социобиология — «за» и «против».

Термин «социобиология» появился в языке науки в 1975 г. после опубликования книги известного этолога Э. Уилсона «Социобиология: новый синтез». В настоящее время он не сходит со страниц специальных и популярных западных журналов, в том числе и социологических. Социобиологии отводятся параграфы и главы в руководствах и учебных пособиях по поведению животных [3; 6]. «Социобиологический подход, — замечает Д. Дьюсбери, — вызвал такое интеллектуальное оживление, какое бывает в научных дисциплинах крайне редко» [3, с. 337].

Задачей социобиологии, согласно Э. Уилсону, является «систематическое исследование биологической основы социального поведения» [10, с. 4]. В этом определении социальное поведение понимается в широком смысле — как поведение биологической особи, ориентированное на другую особь, родственную по популяции. Речь идет о данных генетики, количественной экологии и эволюционного учения, объясняющих различные формы отношений между особями в популяции. Социобиология человека исследует возможные биологические предпосылки взаимоотношения между индивидами.

Отвергая методологию социобиологии, отмечая абсолютизацию биологических методов анализа некоторыми социобиологами, эклектичность их мировоззренческих позиций, не следует отстраняться от исследования проблем, выдвигаемых в рамках этого направления. «Участвовать в таких исследованиях, — отметил И. Т. Фролов, — должны представители различных наук, включая генетиков, нейрофизиологов, психологов, а также философов, социологов, лингвистов, культурологов и т. п.» [8, с. 37].

Для правильного понимания статуса социобиологии человека важно обратить внимание на определенную асимметрию в применении принципа историзма в диалектическом и историческом материализме. Действительно, сфера действия этого принципа в диалектическом материализме существенно шире. Рассматривая, например, свойство отражения в общественной жизни, мы не только указываем на его биологические предпосылки (и соответствующие формы), но и выходим в неживую природу — обнаруживаем в соответствии с принципом первичности материального его зародыши «в фундаменте самого здания материи» [2, т. 18, с. 40]. Анализ генезиса труда немислим вне рассмотрения предметной деятельности животных, возникновение языка невозможно понять без изучения сигнальных процессов в животном мире. Почему же при исследовании, например, генезиса морали мы непременно помещаем точку отсчета в самое человеческое общество? Если рассматривать мораль как форму социального контроля, то не следует ли искать ее истоки (в этом аспекте) и в определенных формах регуляции поведения, присущих миру животных? Пренебрегая такого рода поисками, мы обедняем саму идею развития, не можем ответить на вопрос: если мораль, как все социальное, есть результат диалектического скачка, то что же в данном случае развивается, что этот скачок претерпевает? По отношению к исследованию генезиса сознания в рамках диалектического материализма такой неопределенности нет. Как бы глубоко ни различались формы биологического и социального отражения, и то и другое суть формы отражения.

Необходимо учитывать, что эти поиски могут привести к плоскому эволюционизму, когда различие типов поведения

живых существ, в том числе и человека, сводится к степени сложности, т. е. к количественным характеристикам. Однако столь же недопустим и метафизический «разрыв» процесса развития — упрощенное понимание скачка, когда социальные формы регуляции поведения появляются как бы «из ничего».

Данные социобиологии человека не только ставят новые вопросы, но и вынуждают вернуться к обсуждению сложившихся представлений. Какой тип рассуждения следует считать биологизаторством? Обычно отвечают, что биологизаторство есть перенос законов биологии на жизнь человеческого общества. Однако этот правильный ответ нередко сопровождается неверными ассоциациями. Часто имеется в виду оценочный контекст: такой перенос есть нечто, умаляющее человека. С более низкой формой движения материи ассоциируется нечто низменное. Возникает вопрос: не пытается ли человек упрятать в биологическую сферу все то, что в себе самом он считает этически неприемлемым, и не извлекает ли он это из биологической сферы тогда, когда возникает надобность осудить отступление от нравственных норм? История развития науки подтверждает правильность такого предположения. Например, до Дарвина считалось, что в животном мире царят целесообразность и порядок, воплощающие мудрость творца. Идея борьбы за существование разрушила это представление. Символом отношений в животном мире стали обгаренные кровью клыки. «До Дарвина именно те люди, которые теперь повсюду видят только *борьбу* за существование (Фогт, Бюхнер, Мошотт и т. д.), делали ударение как раз на *сотрудничестве* в органической природе...» — писал Ф. Энгельс [1, т. 34, с. 133—134]. Но эта метаморфоза произошла в силу перенесения в сферу биологического познания стереотипов буржуазного мышления, отразившего определенную социальную практику. «...Дарвин в мире животных и растений узнает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков, «изобретениями» и мальтусовской «борьбой за существование» [1, т. 30, с. 204]. Таким образом, схема «люди как звери» есть результат возврата из биологии схемы «звери как люди», сложившейся в условиях буржуазной действительности.

Любопытно в этой связи отношение к понятиям, которым пользуются социобиологи. Анализируя книгу М. Рьюза «Социобиология: Смысл или Бессмыслица?», Н. Х. Сатдинова отмечает, что социобиология сводится в основном к обсуждению проблем агрессии, сексуальности, родительства и альтруизма. При этом подчеркивается, что «лишь последнее свойство привнесено в биологический контекст из сферы социальных отношений» [7, с. 131]. Следовательно, агрессия — явление само собой разумеющееся в животном мире, а альтруизм, как нечто возвышенное, ему несвойственно. В другой работе, напротив, термин «агрессия» квалифицируется как антропоморфный [5]. По

мнению авторов, агрессия, например, против особей популяции, претендующих на захват территории обитания другой популяции, или агрессия вожака стаи против особей, нарушающих установленную иерархию, «может рассматриваться как заслуживающая внимания» в связи с ее важной ролью в эволюции. Но объяснение на основе агрессии как биологического свойства социальных конфликтов считается биологизаторством [5, с. 146]. Получается, что обоснование биологической природой нравственно негативных явлений есть биологизаторство, и, напротив, перенесение нравственно одобряемого поведения на животный мир — его антропоморфизация. На наш взгляд, главное здесь — не перенос представлений из одной сферы познания в другую. Биологизаторство проявляется прежде всего в том, что и социально неприемлемое и нравственно одобряемое поведение человека рассматривается как абсолютно независимое от культуры. Социальность, культура в соответствии с традициями натурализма элиминируется из научного контекста. Тогда и выступает на первый план абстрактно-всеобщее тождество человека и животного, не всегда, впрочем, заслуживающее критики и небесполезное, например, в медицинском аспекте. Реакционность биологизаторства заключается в том, что оно объективно способствует размыванию устоев нравственности. Мы не можем осуждать злодея и восхищаться гением, если первым не руководит злой умысел, а вторым — величие души и потребность творческого труда, т. е. сугубо социальные качества. Осуждению, как и одобрению, не подлежит в человеке то, что независимо от его сознания.

Социобиология человека не ограничивается выявлением генетической основы социального поведения. В последние годы все чаще предпринимаются попытки включить в предмет социобиологических исследований культуру в целом, описать с единых позиций и генетическую и культурную эволюцию. Наиболее претенциозна в этом отношении концепция «генно-культурной коэволюции» Ч. Ламсдена и Э. Уилсона [11]. Следует также указать на книгу Р. Докинса [9]. Концепции этих авторов подверглись серьезной критике в советской философской литературе. Однако заслуживает внимания один аспект, не получивший оценки. Речь идет о методе рассмотрения культуры и ее развития, который можно назвать «квантованием». Ч. Ламсден и Э. Уилсон вводят понятие «культурген» для обозначения единицы культурной информации. Культура представляется как система культургенов, а ее развитие — как процесс изменения так называемых «эпигенетических правил», регулирующих и передачу самих генов, и усвоение того или иного культургена. Д. Докинс рассматривает эволюцию культуры как один из возможных видов эволюции. Исходя из этого, он пытается обнаружить общие закономерности генной и культурной эволюции. «Единицей культуры» у Р. Докинса является «мим», подчерки-

вающий не только дискретный характер культуры, точнее, возможность ее «квантования», но и подражание как способ трансляции ее содержания. Р. Докинс считает мим «новым репликатором», т. е. механизмом, присущим культуре и воспроизводящим «мотивы, идеи, удачные фразы, моды одежды, способы создания работ или частей здания» [9, с. 206].

Отметим, что в обсуждаемых теоретических построениях иногда неправомерно отождествляются социальные и биологические явления. Было бы, однако, ошибкой видеть здесь только «генетизацию» культурных явлений или механический перенос идеи дискретности из генетики в теорию культуры. Сама генетика стала теоретической основой современной биологии благодаря реализации метода квантования — введения дискретной единицы наследственности. В различных научных дисциплинах обращение к квантовым представлениям неизбежно ведет к значительным результатам. Достаточно упомянуть теорию информации, теорию систем, структурную лингвистику, современную теоретическую физику. Это объясняется тем, что квантование как метод открывает возможность количественного описания. В этом смысле метод квантования в теории культуры не является чем-то негативным, если, конечно, не абсолютизировать его. Напротив, дискретизация явлений культуры есть необходимое условие использования количественных методов исследования, а следовательно, корректного описания развития культуры в рамках закона перехода количественных изменений в качественные.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, 34. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18. 3. Дьюсбери Д. Поведение животных. — М.: Мир, 1981. — 479 с. 4. Игнатъев В. Н. Социобиология человека: «теория генно-культурной коэволюции». — *Вопр. филос.*, 1982, № 9, с. 176. 5. Карпинская Р. С., Никольский С. А. Социобиология — ее сторонники и оппоненты. — *Филос. науки*, 1982, № 1, с. 192. 6. Меннинг О. Поведение животных. — М.: Мир, 1982. — 360 с. 7. Сагдинова Н. Х. Социобиология — «за» и «против». — *Вопр. филос.*, 1982, № 3, с. 176. 8. Фролов И. Т. Социология и этика познания жизни и человека. — *Природа*, 1982, № 3, с. 128. 9. Dawkins R. *The Selfish Gene*. — Oxford Univ. Press, 1977. — 308 p. 10. Wilson E. O. *Sociobiology. The New Synthesis*. — Cambridge: 1975. — 697 p. 11. Lumsden C. I. and Wilson E. O. *Genes, Mind, and Culture. The coevolutionary Process*. — Harvard: Univ. Press, 1981. — 428 p.

Поступила в редколлегию 24.12.82.

Е. В. КОРНИЕНКО

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ

На протяжении всей истории философской науки проблема личности не вызывала столь широкого и обостренного интереса

как в наше время. В условиях развитого социализма в связи с усилением роли субъективного фактора в развитии общества, обострением идеологической борьбы задача воспитания всесторонне и гармонично развитой личности приобретает особую актуальность. Как подчеркивалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, «наша партия исходит из того, что **формирование нового человека — не только важнейшая цель, но и непереносимое условие коммунистического строительства**» [2, с. 27].

Важнейшим итогом социального развития советского общества является социалистический образ жизни, воплощающий в себе ценности развитого социалистического общества. Изучение социалистического образа жизни как характеристики личностной стороны общественного бытия необходимо предполагает обращение к категории ценностных ориентаций личности. Это понятие позволяет конкретизировать основные, методологически важные положения общесоциологической теории личности, а также философской концепции человека в целом, в частности раскрыть взаимосвязь и взаимообусловленность системы «личность — общество» при ведущей роли последнего.

Проблема ценностных ориентаций личности в системе социалистического образа жизни нашла свое отражение в литературе последнего времени *, однако многие аспекты этого вопроса до сих пор остаются малоизученными. Так, например, вне поля зрения исследователей остаются эстетические компоненты ценностных ориентаций, взаимосвязь и взаимовлияние системы ценностных ориентаций и эстетического сознания личности. Эти и некоторые другие вопросы, касающиеся мировоззренческого характера ценностных ориентаций личности, процесса их формирования, стали предметом исследования данной работы.

Анализ изложенных в литературе различных точек зрения на природу и структуру ценностных ориентаций личности позволяет определить их как сложное многоуровневое образование, которое включает в себя совокупность фиксированных установок, доминирующих интересов, потребностей, интегрирующихся в систему жизненных принципов и идеалов личности. Содержание ценностных ориентаций личности определяется характером общественных отношений в том виде, в каком они зафиксированы в общественном сознании, закреплены в эталонах культуры как общества в целом, так и социальных слоев. Ценностные

* См.: Аза А. А. Ценностные ориентации рабочей молодежи. Киев, 1978; Динамика ценностных ориентаций в системе социалистического образа жизни. Л., 1980; К проблеме формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности. М., 1979; Личность и общество. Ценностные ориентации и образ жизни. Калининград, 1979; Образ жизни и ценностные ориентации личности. Ереван, 1979; Ручка А. А. Социальные ценности и нормы. Киев, 1976; Ценностные ориентации социалистического образа жизни. Л., 1979; и др.

ориентации представляют собой такое воспроизведение ценностных качеств того или иного объекта, когда личность полагает данные ценности целью своей деятельности, или же средствами, служащими достижению этой цели. Ценностные ориентации сообщают деятельности личности определенную направленность, через них личность делает ценности «предметом своей воли и своего сознания» [1, с. 143].

Процесс формирования ценностных ориентаций происходит путем интернализации (глубинного усвоения) ценностей общества. Однако в каждом конкретном случае на типичный процесс формирования ценностных ориентаций накладываются отклонения, вызванные многообразными причинами. Эти причины обусловлены социальным бытием личности, ее функционированием в профессиональной и общественной среде. Ценностные ориентации непрерывно находятся под воздействием сложного комплекса взаимопересекающихся влияний, которым подвергается личность со стороны своего социального окружения. А на ценностные ориентации отдельных индивидов накладываются свой отпечаток еще и различия в психике, темпераменте и иных психологических характеристиках.

Генетически ценностные ориентации складывались как неосознаваемые личностью фиксированные установки, т. е. «безотчетно-должные» регуляторы социально значимого поведения. По мере развития общества они превращались в нормативную ценностную форму регуляции этого поведения. Однако, как пишет О. М. Панфилов, «безотчетно-должная» ценностная регуляция, разумеется, отнюдь не исчезает с появлением регуляции нормативной, представляющей собой уже не простое фиксирование стереотипов социально значимого поведения, а форму осознания общественных отношений» [4, с. 10].

Актуально ценностные ориентации личности существуют на нескольких уровнях: они могут функционировать как на уровне так называемых фиксированных установок, которые, как правило, не осознаются личностью, так и на уровне глубоко осознанных жизненных принципов.

Таким образом, система ценностных ориентаций является одной из центральных характеристик личности, в которой концентрируется весь жизненный опыт, выражается субъективное отношение к миру, выявляется связь личности с обществом.

Особенностью ценностных ориентаций личности следует считать мировоззренческий характер. Предметом мировоззрения, как известно, выступает отношение «человек—окружающий его мир» [3, с. 21]. Вместе с тем мировоззрению личности свойственно субъективное отношение к миру, к знаниям о мире и реальных взаимодействиях человека с миром. Окружающий мир осознается в мировоззрении через ценностное отношение субъекта к условиям своего существования. Единство осознания и оценки вытекает из практической деятельности субъекта.

Сложившаяся система ценностных ориентаций личности является тем промежуточным звеном, тем уровнем сознания, который опосредует влияние мировоззрения на деятельность личности. Взаимодействие этих двух систем (мировоззрения и ценностных ориентаций) весьма многообразно, и важнейшим «каналом» этой связи выступает идеал, осуществляющий превращение мировоззренческих принципов в исходные моменты человеческой деятельности. В этом смысле мировоззрение можно представить себе как систему идеалов, т. е. систему устремлений в будущее на основе познания и оценки прошлого и настоящего. Идеал в этом контексте функционирует как ценностный аспект мировоззрения и мировоззренческий аспект ценностных ориентаций личности.

Особую роль в отношении ко всему богатству ориентаций человека во всех сферах и видах деятельности играет эстетический идеал. В последнее время в марксистской литературе по эстетике проблеме эстетического идеала уделяется большое внимание. И это не случайно, ибо выяснение природы и сущности данного явления дает возможность правильно понять многие элементы эстетического сознания. Не касаясь спорных и подчас взаимоисключающих мнений различных авторов, заметим лишь, что мы разделяем точку зрения тех, кто видит специфику эстетического идеала в его двойственной природе (образ и понятие), целостности и универсальности. Специфика эстетического идеала обуславливается особенностями эстетического отношения человека к действительности, которое в процессе социализации личности приобретает индивидуальные черты в зависимости от конкретного жизненного опыта. Владение эстетическими ценностями и формирование собственного эстетического отношения к миру имеет для личности мировоззренческое значение.

Эстетическое сознание и ценностные ориентации находятся в отношениях единства и различий. Эстетическое сознание воспринимает и воспроизводит определенные эстетические ценности, являющиеся составной частью ценностных ориентаций. Эти эстетические ценности, усвоенные личностью и занимающие в ее ценностной иерархии определенное место, ориентируют личность на конкретную деятельность. Память об эстетическом и его высшем выражении — красоте, содержащая опыт созерцания и восприятия прекрасного и его воплощения в активной творческой деятельности, пробуждает не только к освоению уже имеющихся ценностей, но и созданию новых.

Эстетическое сознание посредством ценностных ориентаций связано со всеми проявлениями социальной активности личности, оно придает деятельности личности особую направленность, так как эстетическое в личности определяется высшими человеческими потребностями. Эстетический идеал как результат гармоничного слияния конкретно-чувственных представлений

о прекрасном и осознанных целях человеческой деятельности в наиболее развитом виде характеризует внутреннюю потребность личности в духовных ценностях, ее стремление к активному творчеству во всех областях жизни, сообщает ценностям личности особый, личностный смысл.

Одним из моментов, характеризующих единство эстетического сознания личности и ее ценностных ориентаций, можно считать их общую эмоциональную природу. Как известно, ценностные ориентации включают в себя три уровня: когнитивный, поведенческий и эмоциональный. В то же время эмоциональная содержательность является как раз тем общим звеном, которое связывает воедино все структурные компоненты эстетического сознания. «Вне эмоциональности не может сложиться ценностное отношение к миру, то есть мир вне эстетических эмоций не может иметь для индивида личностного смысла», — пишет З. Г. Апресян [5, с. 31]. Эстетическое сознание, выявляющее эстетические аспекты всех сторон жизни, всего богатства отношений человека с миром, определяет чувственную основу ценностных ориентаций личности, пафос и настрой политических, моральных, профессиональных и других ценностных установок.

В ценностных ориентациях, будь то ориентации правовые, политические, нравственные и т. д., неизменно присутствует эстетический компонент, который выражается в оценке или предпосылке, возможности оценки данной ценности с позиций представлений о прекрасном. Этот эстетический компонент, находящий свое воплощение в эстетическом отношении, выступает как определенный аспект каждого вида субъектно-объектных отношений.

Эстетические аспекты в системе ценностных ориентаций личности сообщают ее деятельности универсальность: они охватывают все сферы отношений человека с миром. Эстетическое сознание специфическим образом интегрирует в себе содержание различных сфер общественного сознания, отражает весь чувственно воспринимаемый мир в той мере, в какой они воспринимаются в аспекте прекрасного или безобразного, возвышенного или низменного, трагического или комического... Таким образом, благодаря тому что эстетическое отношение проявляется во всех видах человеческой деятельности, эстетический идеал становится критерием оценки всех явлений и предметов окружающей действительности. Он переводит эстетическое отношение из созерцательной в мотивационную сферу личности, неизбежно предполагая направленность на практическую деятельность. Активно-творческая функция эстетического идеала прежде всего связывается с целеполагающей деятельностью личности. Как «вершина» эстетического сознания эстетический идеал пронизывает всю ценностную и целевую иерархию личности во всех ее проявлениях, создавая предпосылки для эстетических оценок и суждений.

Всякий идеал как высшая цель деятельности личности в какой-либо сфере общественной жизни является вершиной той или иной ценностной ориентации. Эстетический же идеал, затрагивающий все взаимоотношения человека с окружающей действительностью, выступает как системообразующий принцип по отношению ко всем ориентациям личности. Наличие устойчивого эстетического идеала позволяет говорить о ценностных ориентациях данной личности как о системном образовании.

Эстетическое сознание определенным образом «окрашивает» все ценностные ориентации, придает им возвышенный характер. Как известно, прекрасное и возвышенное являются необходимыми моментами всякого идеала. Они формируют его смысловое единство, служат его эстетическим обоснованием, обеспечивают его эстетическую притягательность. Эстетические ценностные представления могут придать эстетическую притягательность даже иллюзорным идеалам.

Эстетическое сознание гармонизирует внутренний мир личности. Развивая способности человека чувствовать и понимать красоту окружающего мира, преобразовывать этот мир по законам красоты, эстетическое сознание формирует систему ценностных ориентаций личности, через которую проявляется ее отношение к идеалам и нормам общества.

Таким образом, эстетическое сознание и система ценностных ориентаций личности взаимовлияют и взаимодействуют друг с другом. Ценности, не несущие эстетического характера, воздействуют на эстетическое сознание, а эстетические аспекты во многом влияют на содержание ценностных ориентаций. Роль эстетического сознания в формировании гармоничной системы ценностных ориентаций личности определяется активно-творческой функцией эстетического идеала, универсальностью эстетического отношения, специфическими особенностями эстетического вкуса, эстетических потребностей и других структурных компонентов эстетического сознания личности. Все это приводит к выводу, что вне эстетического развития личности невозможно подлинно коммунистическое воспитание, невозможно формирование системы ценностных ориентаций, которая находилась бы в полной гармонии и единстве с высшими ценностями развитого социалистического общества.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. — М.: Искусство, 1976. — Т. 1. 575 с. 2. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. — М.: Политиздат, 1983. — 80 с. 3. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. — М.: Мысль, 1974. — 568 с. 4. Панфилов О. М. Система ценностей и структура личности: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. — М., 1974. — 24 с. 5. Эстетическое сознание и процесс его формирования. — М.: Искусство, 1981. — 255 с.

Поступила в редколлегию 12.12.82.

СОДЕРЖАНИЕ

Плахотный А. Ф., Кораблева Н. С. Социальные роли как интегральная характеристика целостности личности	3
Шкода В. В. Общине как форма научного мышления	8
Минина Л. Ф. Политическая культура и политические отношения социалистического общества	12
Берзин О. Г., Копаница В. М. Диалектика свободы и необходимости в образовании новой исторической общности — советского народа	17
Воробьев В. И. Свобода общества и возрастание роли личности при социализме	22
Карпенко Е. И. Социальная ответственность как субъективный фактор разрешения экологического противоречия	25
Максимов С. И. Социальная ответственность и социальные противоречия	30
Козуб Т. А. Марксов анализ отношений господства и подчинения и его методологическое значение	38
Бардин Ю. П. О разработке категории «социальная зрелость» личности	44
Сухина В. Ф. О единстве чувственного и логического в математическом познании	48
Кулиев З. Г. Принцип ответственности в системе деятельности	56
Шибко А. И. О ответственности в системе социальных норм развитого социалистического общества	62
Терентьев В. П. К. Маркс о производстве социальных индивидов	67
Тягло А. В. Логика системы основных понятий о целостности	74
Жеребкин С. В. О соотношении категорий единого и общего	79
Забелина В. С. Методологическая роль идеи единства мира в науке (на примере анализа макроквантовых эффектов)	84
Пасисниченко В. Л. Глобальные проблемы человечества и футурологические проекты «выживания» капитализма	91
Атраментова Л. А., Шкода В. В. К вопросу о методологическом анализе социобиологических концепций	98
Корниенко Е. В. Ценностные ориентации и эстетическое сознание личности	102

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 261

Материалистическая диалектика и социальная обусловленность сознания

Редактор *Л. А. Копецкая*
 * Технический редактор *Г. П. Александрова*
 Корректор *Л. А. Марченко*

Сдано в набор 03.02.84. Подп. в печать 17.09.84. БЦ 17189. Формат 60×90/16.
 Бумага типогр. № 2. Лит. гарн. Выс. печать. 6,75 печ. л. 7 кр.-отт. 8 уч.-изд. л.
 Тираж 500 экз. Изд. № 1229. Зак. 286. Цена 1 р. 10 к.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского
 объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Харьковская городская типография № 16
 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

YUB-14

